

ЛАБИРИНТ

Мемуары
Вальтера Шелленберга.

Список иллюстраций

Следующие фотографии помещены после страницы ...
Вальтер Шелленберг накануне Второй мировой войны
Шелленберг на заседании Нюрнбергского трибунала
Гитлер и Гимлер наблюдают за маневрами штурмовых отрядов
Герман Геринг вскоре после пленения
Иоахим фон Риббентроп
Адмирал Канарис
Мартин Борман
Рейнгард Гейдрих

Предисловие

Мемуары Вальтера Шелленберга стоит прочесть уже хотя бы потому, что это первоклассный сборник шпионских историй. Поскольку весь текст оправдывает многообещающие названия глав: план похищения герцога Виндзорского, дело братьев Витингхофф, польский агент К. и шпионская организация под крышей посольства Маньчжоу-Го, захват агентов британской секретной службы в Венло и выслеживание коммунистической организации "Красный оркестр". Все эти эпизоды отнюдь не вымышлены, они взяты из истории последних двадцати лет и описаны человеком, который возглавил гитлеровскую службу зарубежной разведки.

Когда нацисты пришли к власти в конце января 1933 г., Вальтер Шелленберг был молодым человеком двадцати двух лет, тщетно пытавшимся найти работу. Три года, проведенные в Боннском университете, во время обучения в котором он сменил медицинский факультет на юридический, не позволили ему получить хорошую квалификацию. Подобно тысячам других студентов германских университетов, он мог рассчитывать лишь на собственный ум в это трудное время, когда получить работу было гораздо сложнее, чем когда-либо раньше. Подобно тысячам других людей, оказавшихся в таком положении, он вступил в нацистскую партию - ни по убеждениям, ни вопреки им, а лишь рассматривая ее, как наиболее вероятный путь к успеху.

Используя полученное образование наилучшим образом, Шелленберг позаботился о том, чтобы вступить в чернорубашечные ряды СС (считалось, что в СС - "лучший тип людей") и с радостью ухватился за предоставившуюся возможность поступить на работу в СД - службу разведки и безопасности, созданную Гейдрихом, другим молодым человеком, который тоже пробивался наверх.

И до конца его карьеры (а она закончилась, когда ему было тридцать пять лет) это был мир Шелленберга - мир секретной службы и тайной полиции, мир, в котором могло произойти все самое невообразимое, в котором нормальное поведение и отсутствие тайных намерений были редкостью, и ни чего не принималось на веру; мир, в котором ложь, взятки, шантаж и подлог, вероломство и насилие были частью повседневной жизни.

Всем этим, а также весьма сомнительным романтическим ореолом шпиона и секретного агента Шелленберг наслаждался сполна. В своих мемуарах, написанных после войны и воскрешающих его подвиги, ему удалось вернуть на время ощущения активности и возбуждения, утрату которых он чувствовал так же остро, как наркоман. Когда он доходит до описания кабинета, который он занимал в качестве главы германской зарубежной разведывательной службы, он пишет с нескрываемой гордостью: "Микрофоны были повсюду - спрятанные в стенах, под столом, даже в одной из ламп, так что каждый разговор и каждый звук автоматически записывались... Мой стол напоминал маленькую крепость. В него

были заделаны два пулемета, которые могли прошить пулями весь кабинет. Все, что мне нужно было сделать в критической ситуации - нажать на кнопку, и оба пулемета одновременно начали бы стрелять. В это же время я мог нажать другую кнопку, и раздалась бы сирена, по сигналу которой охрана окружила бы здание и блокировала все выходы... Всякий раз, когда я выполнял миссию за границей, у меня был постоянный приказ иметь вставной зуб, в котором было достаточно яда, чтобы убить меня в течение тридцати секунд. Для двойной гарантии я носил перстень с печаткой, в которой под большим кристаллом медного купороса (?) была спрятана золотая капсула с цианидом."

Большого не мог бы выдумать и Голливуд, но не следует забывать о том, что Шелленберг ни чуть не преувеличивал, когда писал все это. Третий Рейх был бандитской империей. Его правители вели себя таким образом, что постоянно напоминали актеров из третьесортного фильма, а решения величайшей важности принимались в описанной Шелленбергом лихорадочной атмосфере, даже если они касались "окончательного решения" еврейской проблемы или вторжения в Россию.

Книга Шелленберга - это картина нацистского режима, увиденная не глазами оппозиции, не генералами или политиками вроде Пакена и Шахта, стремящихся подчеркнуть свое неодобрение, а одним из самой нацистской верхушки. В этом заключается главная ценность этой книги, как исторического свидетельства, поскольку ни один из тех, кто опубликовал до настоящего времени свои мемуары, посвященные этому периоду, не находился в столь выгодном положении, которое бы позволяло ему непосредственно знать и видеть все, что происходило в центре власти.

Чтобы оценить это по достоинству, необходимо рассмотреть положение и значение организации, в которой Шелленберг сделал свою карьеру - СД, Зихерхайтсдинст, или служба безопасности СС.

Когда Гитлер в январе 1929 г. назначил Генриха Гимлера Рейхсфюрером СС, эта организация была всего лишь личной охраной Гитлера и насчитывала не более трехсот человек. К январю 1933 г. количество ее членов выросло до пятидесяти двух тысяч, и она превратилась в отборный корпус частной армии коричнево-рубашечников СА. Во время печально известных репрессий 30 июня 1934 г., когда был убит руководитель СА(?) Рем, на гиммлеровские отряды СС было возложено производство арестов и казней, а месяцем позже им был пожалован статус самостоятельной организации. В 1931 г. внутри СС была организована отдельная служба разведки и безопасности (СД), которой руководил Гейдрих - главный заместитель Гимлера, была признана в качестве единственного разведывательного и контрразведывательного ведомства партии.

В течении пятнадцати месяцев, после прихода Гитлера к власти, тянулась ожесточенная борьба - описана двумя свидетелями проигравшей стороны: Рудольф Дильс, "Люцифер перед воротами", Интерферлаг А.Г., Цюрих, 1949 и Х.Б.Гщевеиус, "К горькому концу", Хоктон Миффлин, Бостон, 1947.> между Герингом, как министром - президентом Пруссии и Гиммлером, номинальным шефом баварской полиции и, кроме того, Рейхсфюрером СС за контроль над прусским гестапо (тайной государственной полицией). И здесь оказался успешным грозный союз Гиммлера и Гейдриха, и вот, начиная с неохотной уступки Герингом Контроля над прусским гестапо Гиммлеру в апреле 1934 г., последний начал прибирать к рукам всю германскую полицию, шефом которой он стал в июле 1936 г.

Это двойственное положение - шефа государственной полиции и одновременно Рейхсфюрера СС (положение, независимое от государства) - позволило Гиммлеру создать частную империю, которая в последние годы войны грозила затмить собой госу-

дарство, партию и вооруженные силы, вместе взятые.

Гиммлер достиг этого не силой своей личности (которой он не обладал), а благодаря преимуществам того уникального положения, которое занимает полиция безопасности при диктатуре. Могущество тоталитарного режима покоится на двух основаниях-близнецах: пропаганде и терроре. Инструментом террора в гитлеровской Германии было РСХА – Главное имперское ведомство безопасности, созданное в сентябре 1939 г., чтобы собрать в единую организацию государственную полицию безопасности (СИ-ПО(?) и гестапо) и службы безопасности СС (СД).

Главное имперское ведомство безопасности (РСХА) было детищем Рейнгарда Гейдриха, старшего заместителя Гиммлера, портрет которого впервые представлен во весь рост на этих страницах. Оно сконцентрировало под контролем полдюжины (?) человек (одним из которых был Шелленберг) все силы шпионажа и разведки, допросов и арестов, пыток и казней, от которых, в конечном счете, зависит диктатура. Его функции были поделены между семью управлениями, из которых здесь необходимо упомянуть лишь о четырех. АМТ III, под руководством Отто Олендорфа, вело разведывательную работу в Германии и в оккупированных странах; его дополняло АМТ IV, старое гестапо, под руководством Генриха Мюллера было создано "для борьбы с оппозицией государству"; АМТ V под руководством Артура Небе регулировало деятельность криминальной полиции (крипо), в чьи обязанности входила борьба с преступлениями.

АМТ IV, куда сначала был назначен Шелленберг, имело множество ответвлений.<§F "РСХА, АМТ IV(?) А,В было ответственно за облавы, транспортировку, расстрелы и умерщвление газом по меньшей мере трех миллионов евреев." Эдвард Крэнкшоу, "Гестапо", Патнем, Лондон, 1956 г.> Шелленбергу, как главе АМТ IVE, была поручена контрразведывательная работа для гестапо на территории Германии и оккупированных стран. В июне 1941 г., во время вторжения в Россию, он возглавил и реорганизовал АМТ IV, службу зарубежной разведки. И наконец, летом 1944 г., после ликвидации Абвера, разведывательной службы германского Верховного командования (который с ведома возглавлявших его адмирала Канариса и генерала Остера использовался в качестве прикрытия подпольной антигитлеровской оппозицией) Шелленберг принял на себя дополнительную ответственность за германскую военную разведку и, таким образом, удовлетворил свои честолюбивые мечты о руководстве единой зарубежной разведывательной службой.

Шелленберг никогда не относился к числу нацистских вождей. Его фотография редко появлялась в газетах, его имя мало кому было знакомо. Он принадлежал к числу политиков, действовавших за кулисами, к "техническому персоналу" диктатуры, и он – единственный из членов этой в высшей степени важной группы, кто написал свои мемуары. К счастью, Шелленберг был гораздо более заинтересован в том, чтобы описать увиденное им, чем создавать очередную апологию(?) режима. Он обладал настоящим талантом портретиста. Мюллер, Риббентроп, Кальтенбруннер, Канарис и сам Гиммлер буквально оживают перед нами и несут на себе тот оттенок человечности, без которого поистине фантастические элементы в их поведении и высказываниях выглядели бы просто неубедительно. Никто из них не произвел на Шелленберга столь глубокого впечатления, как Гейдрих, и страницы, посвященные описанию его взаимоотношений с Гейдрихом, "человеком с железным сердцем", одним из лучших в книге.

Во внутренней политике нацистской Германии (как и любой диктатуры) господствовала жестокая и не прекращающаяся борьба за власть не только между соперничающими организациями – Главным имперским ведомством безопасности, министерством иностран-

ных дел, министерством пропаганды, Верховным командованием и нацистской партией – но также и внутри каждой из них. Шелленберг был знатоком обоих видов интриг, да он и должен был им быть, если хотел выжить. Поскольку он постоянно нахрился в обществе Гейдриха и Гимmlера и пользовался их доверием, он дает нам ценные свидетельства постоянного возрастания могущества руководителей СС. Его злейшими врагами оказались сотрудники его "родного" РСХА – Кальтенбруннер (преемник Гейдриха) и "гестапо-Мюллер". И лишь длительное расположение Гимmlера позволило Шелленбергу избежать их попыток уничтожить его.

В обязанности Шелленберга входила организация разведывательной работы за рубежом и это означало, что он мог следовать курсом политики Гитлера и наблюдать ее последствия в отношении врагов, в отношении союзников Германии и оккупированных стран. Его деятельность была особенно тесно связана с двумя регионами – оккупированной территорией России и Дальним Востоком; в обоих случаях его мемуары значительно дополняют наши знания. Он подробно описывает шаги, которые были предприняты для внедрения германских агентов за линию фронта, в Россию, а так же шаги по превращению проникновения коммунистических агентов в Германию. Он видел возможности, упущенные в России из-за упрямства приверженности Гитлера политике неразборчивой жестокости, и он дает любопытную информацию о попытках Японии выступить в качестве посредника между Германией и Советским Союзом. Из этих сомнений вырос его собственный честолюбивый план (оформившийся, согласно его собственным подсчетам, уже в 1942 г.) – с помощью своего влияния на Гимmlера способствовать заключению компромиссного мира.

По ряду вопросов Шелленберг хранит благоразумное молчание. Так, он едва упоминает о концентрационных лагерях или о массовых убийствах евреев, хотя ответственность за все это лежит на Гимmlере и СС. Всего лишь одно или два предложения отводит он германской антигитлеровской оппозиции и заговору 20 июля 1944 г., о котором ему должно быть многое известно, уже хобя бы из-за той роли, которую ликвидация заговора играла в его планах получить контроль над Абвером.

Заключительный эпизод, в котором он в первый и последний раз пытается непосредственно повлиять на ход главных событий, убедив Гимmlера начать самостоятельные переговоры о мире, уже хорошо известен. <Фр. Х.Р.Тревор-Роулер, "Последние дни Гитлера", Макмиллан, Лондон, 1950; Граф Бернадотт, "Занавес падает", Кноиф, Нью-Йорк, 1945 г. и "Мемуары Керстена", Хатчинсон, Лондон, 1956 г.> Но Шелленберг более живо, чем кто-либо другой, освещает ту атмосферу полной оторванности от жизни, в которой нацистские вожди существовали в последние месяцы войны, а также полный крах их руководства. Одного лишь предложения о самостоятельных действиях было достаточно, чтобы повергнуть Гимmlера в состояние нервного кризиса, и Шелленбергу пришлось даже привлечь астролога, чтобы укрепить решимость Рейхсхфюрера СС. Вряд ли был еще когда-нибудь человек, облеченный такой властью, которую он был бы абсолютно не в состоянии использовать ни на что другое, кроме выполнения приказов своего патрона. Поэтому не удивительно, что Гитлер, подозревавший всех и вся, никогда не чувствовал для себя угрозы в росте могущества Гимmlера. По приведенным выше причинам я считаю, что мемуары Шелленберга, помимо чисто художественного интереса, представляют собой значительную ценность в качестве исторического свидетельства.

После падения Германии Шелленберг нашел убежище в Швеции у графа Бернадотта и по его предложению использовал время для подготовки отчета о переговорах, в которых он принимал

Инцидент в Венло.

Контакт с британской секретной службой. - Моя личность сменилась. - Первая встреча с Бестом и Стивенсом. - Подозрения голландской таможни. - Наша вторая встреча и предложения Западных держав. - Переговоры остановлены. - Планы похищения. - Бест и Стивенс похищены.

Вернувшись в Берлин я отчитался перед Гейдрихом о работе, проделанной в Руре и изложил свои соображения по поводу того, что несколько агентов контрразведки - это явно недостаточно для столь важного региона. Гейдрих внимательно выслушал меня. "У вас будет возможность все это изменить, - сказал он, - но прежде чем вы займетесь этим, у меня для вас есть другая работа. Вот уже несколько месяцев, как мы установили очень интересный прямой контакт с британской разведкой. Поставляя им дезинформацию, мы сумели проникнуть в их организацию. теперь наступил момент, когда мы должны решить для себя, собираемся ли мы продолжать игру или прекратим ее, удовлетворившись тем, что удалось узнать. Я считаю, что вы именно тот человек, которому следует заняться этим делом, и я хочу, чтобы вы немедленно собрали весь необходимый материал и изучили его - составьте свое собственное мнение а затем изложите мне ваши рекомендации".

Я сразу же углубился в относящиеся к этому делу документы, и постепенно стала вырисовываться следующая картина:

В течение нескольких лет в Нидерландах работал секретный агент F479. Туда он приехал как политический эмигрант, и, продолжая выступать в качестве такового уже после того, как он начал работать на нас, он сумел установить контакт с британской военной службой. Он делал вид, что связан с с ильной оппозиционной группой внутри Вермахта, которая очень заинтересовала англичан. Ему стали придавать столь большое значение, что его донесения пересылались прямо в Лондон и через него мы получили возможность внедрения непрерывного потока дезинформации. Кроме того, он создал собственную сеть информаторов и сумел установить Контакт со "Вторым бюро". После начала войны британская разведка стала проявлять еще больший интерес к установлению контактов с мнимой оппозиционной группой. Им казалось, что они могут использовать деятельность этих офицеров-заговорщиков для свержения гитлеровского режима. В тот момент, когда я подключился к делу, операция достигла решающей стадии; англичанам пообещали встречу с высокопоставленным представителем оппозиционной группы.

Внимательно изучив это дело и обсудив его с теми, кто уже занимался им, я пришел к выводу, что продолжать игру выгоднее, чем прекратить ее. Поэтому я решил ехать в Голландию сам, чтобы встретиться с агентами британской секретной службы, использовав для этой цели документы капитана Шеммеля, сотрудника транзитного управления ОКВ. Я узнал, что в транспортном управлении действительно есть такой капитан, который отбыл в длительную командировку на Восток.

После утверждения моего плана я поехал в Дюссельдорф, где устроил резиденцию в небольшом частном доме. Это помещение было оборудовано для работы секретной службы и имело прямую телеграфную и телефонную связь с центральным ведомством в Берлине.

Тем временем, Берлин должен был связаться с нашим агентом F479 и проинструктировать его насчет достижения договоренности о встрече между капитаном Шеммелем и британскими агентами. К сожалению, обстоятельства не позволили мне встретиться с F479 заранее и обсудить этот вопрос, так что мне пришлось полностью положиться на его опыт и мастерство. Конечно, в этом заключался значительный элемент риска, но это неизбежно в работе секретной службы.

Дальнейшая информация была переправлена мне из Берлина авиапочтой, и я внимательно изучил ее. Я должен был хорошо выучить свою легенду, запомнить каждую деталь мнимого заговора, котрый мы якобы планировали, а также имена и взаимоотношения разных людей, равно как и всю имеющуюся информацию о британских агентах, с которыми мне предстояло встретиться. Я получил подробное донесение о капитане Шеммеле - его прошлом, его образе жизни, его поведении и внешности - например, он всегда носил монокль, так что мне пришлось научиться м этому, что, вообще-то было нетрудно, поскольку я близорук на правый глаз. Чем больше секретной информацией о группе я обладал, тем больше шансов у меня было войти в доверие к англичанам, так как малейшая ошибка неминуемо возбудила бы у них подозрения.

Наконец, 20 октября в шесть часов вечера пришло сообщение: "Встреча назначена на 21 октября в Зютфене, Голландия".

Меня должен был сопровождать один из наших агентов. Он хорошо знал подоплеку дела, поскольку агент F479 неонакратно работал у него в подчинении. Мы в последний раз проверили наши паспорта и документы на нашу машину (германская таможня и пограничная полиция получили инструкцию не задавать нам ненужных вопросов). У нас было совсем немного багажа, и я специально проверил всю нашу одежду и белье на предмет каких-либо признаков, которые могли бы выдать нашу истинную принадлежность. Небрежность в отношении мелких деталей такого рода может привести к провалу самой тщательно спланированной операции секретной службы.

Вечером, к моему большому удивлению, позвонил Гейдрих. Он сообщил, что получил для меня разрешение вести "переговоры" так, как я считаю это нужным. Мне была предоставлена полная свобода действий. В конце нашего разговора он сказал: "Я хочу, чтобы вы были очень осторожны. Было бы слишком глупо, если б с вами что-нибудь случилось. Но если вдруг чтот-то будет не так, то знайте, что я предупредил все посты вдоль границы. Я хочу, чтобы по возвращении вы мне позвонили".

Я был несколько удивлен таким проявлением заботы. Однако я понимал, что в основе ее лежат не столько человеческие чувства, сколько чисто практические соображения.

Ранним утром 21 октября мы уже ехали в направлении голландской границы. День был хмуры и дождливый. Мой коллега сидел за рулем, в то время, как я, расположившись позади него, сразу же погрузился в размышления. Я никак не мог подавить в себе чувства беспокойства, главным образом из-за того, что у меня не было возможности поговорить с F479, и по мере того, как мы все ближе подъезжали к границе, это чувство неуверенности возрастало.

С формальностями на германской границе мы разделались легко и быстро. Голландцы, однако, оказались более назойливыми, они настаивали на тщательном досмотре. Но в конце концов нас пропустили без особых проблем.

Когда мы прибыли в Зютфен, в назначенном месте встречи нас уже ждал большой "Бюик". Человек, сидевший за рулем, представился, как капитан Бест, сотрудник британской разведки. После короткого обмена любезностями, я сел в машину позади него, и мы поехали. Мой коллега следовал за нами в моей машине.

Капитан Бест, котрый, между прочим, тоже носил монокль, великолепно говорил по-немецки, и очень скоро между нами установились дружеские отношения. Наш общий интерес к музыке - капитан, по-видимому, был очень хорошим скрипачом, помог растопить лед. Разговор с ним был настолько приятным, что через некоторое время я почувствовал - что еще немного, я и забуду о цели своего путешествия. Но если внешне я, может, и выглядел совершенно спокойным, то внутренне я напряженно ждал, когда капитан Бест начнет разговор о деле, ради которого мы, собственно, и встретились. Но, видимо, он не хотел этого делать, пока мы не приедем в Арнем, где к нам должны были присоединиться его коллеги - майор Стивенс и лейтенант

Коппенс. Когда мы прибыли туда, они сели в машину, и мы двинулись дальше. Разговор шел в то время, как "Бюик" мчался по голландской сельской местности.

По-видимому, они безоговорочно признали во мне представителя сильной оппозиционной группы из высших кругов германской армии. Я сообщил им, что возглавляет эту группу немецкий генерал, но что я не уполномочен называть его имя на этой стадии переговоров. Наша цель – насильственное смещение Гитлера и установление нового режима. Моя задача на этих переговорах – прозондировать отношение британского правительства к новому правительству, контролирующему германской армией и узнать, есть ли у них желание заключить секретное соглашение с нашей группой, итогом которого станет мирный договор сразу же после нашего прихода к власти.

Британские офицеры заверили меня, что правительство Его Величества определенно заинтересовано в нашем предприятии, и что их правительство придает огромное значение предотвращению дальнейшего распространения войны и достижению мира. Они будут приветствовать устранение Гитлера и его режима. Они предложили нам всю помощь и поддержку, которая в пределах их возможностей. Что же касается политических обязательств и соглашений, то в этот момент они не были уполномочены на такие шаги. Однако, если будет возможным присутствие на нашей следующей встрече руководителя нашей группы или любого другого германского генерала, то они уверены в том, что смогут предложить нам более предметное заявление со стороны правительства Его Величества. Они заверили меня, что в любой момент могут связаться с Форны Оффис и с Дацнинг Стрит.

Было совершенно ясно, что я определенно вошел в доверие к британским офицерам. Мы договорились вернуться к нашему разговору 30 октября в центральном бюро британской разведки в Гааге. Я пообещал, что на этот раз приеду туда первым, чтобы встретиться с ними, и после совместной трапезы, мы расстались в самых дружеских отношениях. Дорога назад и пересечение границы прошли без особых приключений.

Как только я прибыл в Дюссельдорф, я сразу же позвонил в Берлин, чтобы доложить о своем возвращении. Мне велели немедленно явиться самому для личного отчета и обсуждения дальнейших шагов.

Я прибыл в Берлин уже вечером и после обсуждения, которое продолжалось до поздней ночи, было решено полностью возложить на меня разработку плана дальнейшего ведения переговоров. Мне была также предоставлена свобода действий в выборе подходящих сотрудников.

В течение нескольких последующих дней я разрабатывал свои планы. Я привык проводить большую часть своего свободного времени в атмосфере мира и спокойствия, которая царила в доме моего лучшего друга – Макса де Криниса, профессора Берлинского университета и заведующего психиатрическим отделением знаменитой клинике Шарите. Это был удивительно милый и культурный хозяин дома, и многие годы меня принимали там, как сына. У меня была там своя собственная комната, и я мог приходить и уходить, когда мне удобно.

В тот день, когда я разрабатывал свои планы, в мою комнату вошел де Кринис и настоял на том, чтобы отправился с ним на прогулку верхом – свежий воздух прояснит мою голову. Мы бодро скакали легким галопом, когда мне в голову внезапно пришла идея. Я рассказал де Кринису об операции в Голландии и спросил, не сможет ли он поехать со мной в Гаагу. Де Кринис, который был полковником медицинской службы германской армии, родился в Граце, в Австрии и был значительно старше меня. Элегантный, величественный, высококультурный и интеллигентный человек, он идеально подходил для роли, которую я придумал для него, а его легкий австрийский акцент сделал бы эту роль еще более убедительной. Я решил, что на следующей нашей встрече с англичанами представлю его, как "правую руку" руководителя нашей оппозиционной группы. Де Кринис с готовностью согласился поехать со мной, и в соответствии с существующим

порядком мой план был одобрен центральным ведомством.

29 октября де Кринис, я и агент, сопровождавший меня на первую встречу, выехали из Берлина в Дюссельдорф, где мы провели ночь в последних приготовлениях. Я решил, что оставшуюся часть путешествия мы не будем говорить о нашей миссии, так что это был наш последний инструктаж.

Мы договорились с де Кринисом о системе знаков, с помощью которых я мог бы общаться с ним во время разговора с британцами: если я вынимаю свой монокль левой рукой, это означает, что он должен немедленно замолчать и предоставить мне вести дальнейший разговор; если я вынимаю его правой рукой, это означает, что мне нужна его поддержка. Знаком немедленно прекращения разговора должны стать мои слова о том, что у меня болит голова.

Перед отъездом я внимательно просмотрел багаж де Криниса. На этот раз у нас не было никаких проблем при пересечении границы.

Приехав в Арнем, мы направились к перекрестку, на котором в полдень должны были встретиться с нашими английскими друзьями. Когда мы прибыли на место без двух минут двенадцать, их еще не было. Прошло полчаса без всяких происшествий, пока мы медленно ездил вверх и вниз по улице, полчаса превратились в три четверти часа. Наша нервозность нарастала с каждой минутой, но по-прежнему ничего не происходило. Де Кринис, не привыкший к такого рода ситуациям, конечно же нервничал больше остальных, и я старался успокоить его.

Вдруг мы увидели, что к нашей машине приближаются два голландских полицейских. Один из них спросил по-голландски, что мы здесь делаем. Сопровождавший нас агент ответил, что мы ждем друзей. Полицейский покачал головой, сел в нашу машину и велел ехать к полицейскому участку. Налицо были все признаки того, что мы угодили в ловушку. Главное теперь было сохранять спокойствие и контроль над собой.

В полицейском участке с нами обращались очень вежливо, но несмотря на все наши протесты, они обыскали нас самих и наш багаж. Они делали это очень тщательно, например, каждый предмет из несесера де Криниса был осмотрен с огромным вниманием. В то время, как этим занимались они, я сам осматривал наш багаж с еще большей придирчивостью, так как внезапно вспомнил, что так был занят в Дюссельдорфе с де Кринисом, что не проверял багаж сопровождающего нас агента. Его несесер лежал раскрытым на столе рядом со мной, и я, к своему ужасу, обнаружил, что в нем лежит пачка аспирина в официальной обертке германской армии, на этикетке которой было напечатано: "Главное медицинское управление СС".

Я пододвинул свой собственный багаж, который к тому моменту уже был осмотрен, вплотную к несесеру и в тот же момент оглянулся, чтобы проверить, не наблюдают ли за мной. Затем я быстро схватил пачку аспирина и одновременно уронил под стол свою щетку для волос. Нагнувшись, чтобы поднять ее, я сунул таблетки в рот. Они действительно были очень горькими, кроме того бумажная упаковка, в которую они были завернуты, застряла у меня в горле, поэтому мне пришлось снова уронить щетку для волос и сделать вид, что я занят ее поисками под столом, в то время, как я старался с трудом все это проглотить. К счастью никто ничего не заметил.

Затем начался допрос: Откуда мы приехали? Куда мы направлялись? Кто те друзья, скоторыми мы должны были встретиться? Какого рода дела собирались мы обсуждать? Я ответил, что отказываюсь отвечать до тех пор, пока нам не предоставят возможность посоветоваться с адвокатом. Я также вполне убедительно пожаловался на то, как с нами обращаются. Они зашли слишком далеко, этому нет никакого оправдания, Они видят, что наши документы и наш багаж в полном порядке, и у них нет никакого права задерживать нас. Я намеренно стал вести себя грубо и заносчиво, и, по-видимому, это подействовало. В поведении нескольких полицейских появилась заметная неуверенность, но остальные были настроены продолжать допрос. Так мы

пререкались около полутора часов, когда внезапно открылась дверь и вошел лейтенант Коппенс. Он показал полицейским какие-то бумаги - я попытался взглянуть на них, но мне это не удалось - и отношение полиции к нам сразу же изменилось.

Когда мы вышли из полицейского участка, то увидели сидевших в "Бюике" капитана Беста и майора Стивенса. Они объяснили, что все происшедшее - ужасная ошибка. Они ждали нас на другом перекрестке, а потом долго разыскивали нас. Они снова и снова извинялись, говоря, что все это неприятное, досадное недоразумение.

Разумеется, для меня было ясно, что все случившееся было подстроено ими. Они использовали арест, обыск и допрос, как прекрасный способ проверить нас, чтобы убедиться, что мы на самом деле те, за кого себя выдаем. Я понял, что нам следует быть готовым и к другим проверкам.

До Гааги мы доехали очень быстро. Добравшись до места, мы вошли в большую комнату в ведомстве майора Стивенса. Здесь и начались наши переговоры. С британской стороны их основным участником был капитан Бест. После тщательного и подробного обсуждения мы пришли в итоге к следующему соглашению:

За политическим свержением Гитлера и его ближайших помощников должно было последовать немедленное заключение мира с Западными державами. Следовало выработать условия возвращения прежнего статуса Австрии, Чехословакии и Польши; отказ от германской экономической политики и возвращение ее к золотому стандарту. Одним из наиболее важных предметов нашего обсуждения была возможность возвращения Германии колоний, которые ей принадлежали до Первой мировой войны. Этот вопрос всегда очень интересовал меня, и возвращался к нему несколько раз. Я подчеркнул, насколько важно для всех, чтобы у Германии был предохранительный клапан для избыточного населения, в противном же случае германское давление на ее восточные и западные границы будет по-прежнему создавать очаг напряженности в Центральной Европе.

Наши партнеры по переговорам признали важность этой проблемы и согласились, что должно быть найдено решение, которое бы удовлетворяло Германию. Они считали, что может быть найдена формула, которая бы обеспечила Германии необходимые экономические права и преимущества и которая была бы политически согласована с существующей системой мандатов.

В заключение мы оформили результаты переговоров в виде меморандума. Затем майор Стивенс вышел, чтобы по телефону проинформировать Лондон о достигнутых результатах. Примерно через полчаса он вернулся и заявил, что Лондон отреагировал положительно, но соглашение еще должно быть согласовано с лордом Голифаксом, министром иностранных дел. Это должно было быть сделано немедленно, и мы могли рассчитывать на определенное решение в течение вечера. В то время с нашей стороны было необходимо заявление о намерениях, которое бы представляло собой конкретное и окончательное решение германской оппозиции и включало бы в себя точные временные рамки.

Переговоры продолжались около тех с половиной часов. К концу их у меня разыгралась невообразимая головная боль, главным образом из-за того, что я выкурил слишком много крепких английских сигарет, к которым не привык. Пока майор Стивенс разговаривал с Лондоном, я пошел освежиться в умывальную комнату, где подставил запястья рук под струю холодной воды. Так я стоял, погруженный в размышления, когда незаметно вошедший капитан Бест внезапно сказал своим мягким голосом: "Скажите, вы всегда носите монокль?"

К счастью, он не мог видеть моего лица, я почувствовал, что краснею. Однако через секунду я взял себя в руки и спокойно ответил: "Вы знаете, я собираюсь задать вам тот же самый вопрос."

Когда все закончилось, мы поехали на виллу одного из голландских коллег Беста, где для нас были приготовлены три комфортабельные комнаты. Мы немного отдохнули, а затем пероделались, так как были приглашены на обед в доме Беста.

Жена Беста, дочь голландского генерала Ван Рееса, было известным художником-портретистом, и беседа за обедом была приятной и оживленной. Познее пришел стивенс, объяснив, что его задержали дела. Он отозвал меня в сторону и сказал, что им получен утвердительный ответ из Лондона; это был огромный успех.

На обед также был приглашен наш агент F479, и я смог поговорить с ним без помех в течение нескольких минут. Он очень нервничал и вряд ли мог работать и дальше в таком напряжении. Я постарался подбодрить его и сказал, что если он найдет предложение вернуться в Германию, то я использую свое влияние, чтобы все уладить с его начальством в Берлине.

Обед был великолепен. Я никогда не пробовал таких изумительных устриц. После обеда Бест произнес короткую и забавную речь, на которую де Кринис ответил со всем своим венским шармом. Общий разговор после обеда оказался весьма интересным, и с его помощью я лучше понял отношение англичан к войне. Они относились к ней отнюдь не легкомысленно и собирались стоять насмерть. Если бы Германия совершила успешное вторжение в Британию, они бы стали вести войну из Канады. Мы также говорили о музыке и живописи, и было уже довольно поздно, когда мы вернулись на виллу.

К несчастью, моя головная боль не прошла, поэтому перед тем, как лечь спать, я попросил своего хозяина дать мне аспирин. Через несколько минут ко мне в комнату вошла очаровательная молодая женщина, которая принесла мне несколько таблеток аспирина и стакан лимонада. Она начала разговаривать со мной и задала кучу вопросов. Я вздохнул с облегчением, когда наконец, мне удалось выпроводить ее из комнаты, причем сделав это так, чтоб не показаться невежливым. После всех усилий и напряжения прошедшего дня, я был не в состоянии удовлетворить ее любопытство, не подвергая себя опасности.

Утром я столкнулся в ванной с де Кринисом. Он сиял и сказал мне на своем венском диалекте: "Ну-ну, эти парни и в самом деле могут делать дела, не так ли?"

Нам подали сытный голландский завтрак, чтобы мы подкрепились перед обратной дорогой. В девять часов за нами пришла машина, чтобы отвезти нас на краткую заключительную встречу, которая состоялась в конторе голландской фирмы (на самом деле это была "крыша" британской секретной службы) "Н.В. Хандельс Динст Веер Хет Континент" (Континентальная служба торговли), находившейся на Ниуве Уитлег, N 15. Нам передали английский радиопередатчик и специальный код, с помощью которого мы могли установить связь с радиостанцией английской секретной службы в Гааге. Наш позывной был O-N-4. Лейтенант Колпенс вручил нам документ, в котором голландским властям предлагалось помочь подателем сего позвонить в Гаагу по секретному телефонному номеру - по-моему, 556-331 - чтобы защитить нас от повторения неприятных инцидентов, подобных тому, что имел место накануне. После того, как мы решили договориться о времени и месте следующей встречи по радио, капитан Бест проводил нас до границы, которую мы вновь пересекли без всяких затруднений.

На этот раз мы не останавливались в Дюссельдорфе, а поехали прямо в Берлин. На следующий день я сделал отчет и предложил попытаться продолжить переговоры, чтобы в итоге поехать в Лондон.

В течение следующей недели англичане трижды просили уточнить нас дату следующей встречи. Мы ежедневно связывались с ними по коду O-N-4 с помощью радиопередатчика, который работал прекрасно. Но к 6 ноября все еще не было получено директивы из Берлина, и я начал опасаться, что мы потеряем контакт с англичанами. Поэтому я решил проявить собственную инициативу. Я согласился встретиться с ними 7 ноября, и в конце концов мы договорились о randevu в кафе неподалеку от границы в два часа дня.

Во время этой встречи я объяснил Бесту и Стивенсу, что мой визит в Берлин затянулся, чем я предполагал, и, к сожалению,

нию, германская оппозиция еще не смогла прийти к окончательному решению. После этого я высказал предположение, что может, было бы лучше, если бы я приехал в Лондон вместе с генералом (несуществующим руководителем группы), где бы окончательное решение могло быть принятым на высшем уровне совместно с британским правительством. Британские агенты ничего против этого не имели и сказали, что они бы могли к завтрашнему дню подготовить специальный самолет в голландском аэропорту Шифал, который бы доставил нас в Лондон. В итоге, мы договорились, что на следующий день я попытаюсь привезти руководителя германской оппозиции в то же место и в то же время.

Я вернулся в Дюссельдорф, но директивы из Берлина все еще не было. Тогда я послал в Берлин срочный запрос, в котором предупредил, что в случае непринятия решительных шагов любого рода мое положение окажется несостоятельным. Я получил ответ, что Гитлер еще не принял решения, но склоняется к прекращению переговоров. Он считал, что они и так уже зашли слишком далеко. По-видимому, любое обсуждение его смещения, даже фиктивное, заставляло его чувствовать себя не в своей тарелке.

Итак, я сидел в Дюссельдорфе, чувствую себя расстроенным и беспомощным, но игра настолько захватила меня, что я решил продолжать ее. Я связался по радио с Гаагой и подтвердил свое участие в завтрашней встрече. Должен признаться, что в тот момент у меня не было ни малейшего представления, что я скажу своим английским друзьям. Я понимал, что ставлю себя в весьма рискованное положение. Если олько у них появяться хотя бы малейшие подозрения на мой счет, они легко смогут вновь арестовать меня; все это могло закончиться крайне плачевно. Я был зол на Берлин, хотя и понимал, что у них могут быть весьма веские причины для колебаний: на 14 ноября Гитлер наметил начало наступления на Запад. Возможно, главной причиной отказа от этого плана стала испортившаяся как раз в это время погода, но позднее Гитлер не отрицал, что этому могли способствовать и мои переговоры с британскими агентами.

Я провел бессонную ночь. В моей голове беспорядочно вертелись самые разные планы.

За завтраком я просмотрел утренние газеты. Заголовки гласили, что Король Бельгийцев и Королева Нидерландов выступили с совместным предложением о начале переговоров между воюющими сторонами. Я вздохнул с облегчением – это было решением моей проблемы. На сегодняшней встрече я просто скажу британским агентам, что германская оппозиция решила подождать и посмотреть, как отреагирует Гитлер на голландско-бельгийское предложение. Я добавлю, что болезнь помешала руководителю оппозиции принять участие в сегодняшней встрече, но что он обязательно будет там завтра, и, вероятно, захочет отправиться в Лондон. Таков был мой план сегодняшних переговоров.

Утром же у меня состоялся разговор с человеком, которого я выбрал на роль генерала, руководителя нашей оппозиционной группы. Он был промышленником, но в то же время имел высокое почетное звание в армии и был руководителем СС – одним словом, он превосходно подходил для этой роли.

Днем я снова персек границу. На этот раз мне пришлось прождать в кафе три четверти часа. Я заметил, что за мной пристально наблюдает несколько человек, внешне выглядящих как безобидные обыватели; стало ясно, что англичане снова что-то заподозрили.

Наконец они прибыли. На это раз встреча была весьма короткой, и я легко объяснил им сложившуюся ситуацию, как и планировал сделать это утром. После моих объяснений произошедшей задержки их подозрения полностью рассеялись, и когда мы говорили друг другу "до свидания", в наши отношения вернулась теплая сердечность предыдущих встреч.

Вечером в Дюссельдорфе мне позвонил руководитель СС. По распоряжению Берлина, он был поставлен во главе специального подразделения, которому было поручено обеспечить мой переход границы. Он сообщил, что в Берлине были очень обеспокоены мо-

ей безопасностью. Он получил приказ перекрыть весь участок границы и заблокировать всю голландскую пограничную полицию в этом районе. Если бы голландцы попытались арестовать меня, ситуация бы значительно осложнилась, поскольку ему было приказано ни в коем случае не допускать, чтобы я попал в руки противника, и результатом этого мог бы стать серьезный инцидент.

Когда я услышал это, меня охватило довольно странное чувство, особенно когда я подумал о своих планах на следующий день, и о том, что могло бы случиться, если бы мне не удалось своевременно поговорить с этим руководителем СС. Я сказал ему, что завтра, возможно, уеду вместе с британскими агентами, поскольку моей задачей было попасть в Лондон. Если я поеду с ними добровольно, я сделаю ему знак. Мы также обсудили меры, которые ему следовало принять в том случае, если бы мой отъезд с англичанами не был добровольным. Он заверил меня в том, что отобрал из состава своего подразделения самых подходящих людей. Затем, я встретился с промышленником, который должен был ехать со мной в качестве руководителя оппозиционной группы. Мы обсудили все детали самым тщательным образом, и когда я, наконец, лег спать, было уже далеко за полночь.

Я принял снотворное, чтобы избавиться себя от новой бессонной ночи и погрузился в глубокий сон. Разбудил меня настойчивый звонок телефона. Это была прямая линия связи с Берлином. Еще не проснувшись окончательно, я нащупал трубку и нехотя проворчал в нее: "Алло." На другом конце я услышал глубокий, довольно взволнованный голос: "Что вы сказали?" "Еще ничего, - ответил я. - С кем я говорю?" В ответ прозвучало резко: "Это Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Вы, наконец, пришли в себя?" Остатки сна во мне боролись с испугом, и я ответил привычным: "Да, шеф." "Слушайте внимательно, - продолжал Гиммлер. - Вам известно, что произошло?" "Нет, шеф, - сказал я, - мне ничего не известно." "Итак, этим вечером, сразу же после выступления фюрера в пивном погребеке <§FE> ежегодно 8 ноября, в годовщину гитлеровского мюнхенского путча 1923 г., он произнес речь в пивном погребеке, где начинался путч.> была предпринята попытка его убийства. Была взорвана бомба. К счастью, он покинул погребок несколькими минутами раньше. Погибло несколько старых товарищей по партии, нанесен значительный ущерб. Вне всякого сомнения, за этим стоит британская секретная служба. Фюрер и я узнали о случившемся уже в поезде, по дороге в Берлин. Сейчас он говорит - и это приказ - когда вы встретитесь с британскими агентами на вашем завтрашнем совещании, вы должны их немедленно арестовать и привезти в Германию. Это означает нарушение голландской границы, но фюрер говорит, что это не имеет никакого значения. Подразделение СС, которое должно охранять вас - чего вы, между прочим совершенно не заслуживаете после вашего капризного и своевольного поведения - это подразделение поможет вам выполнить вашу миссию. Вы все поняли?" "Да, Рейхсфюрер. Но -" "Никаких но", - резко сказал Гиммлер. - Для вас теперь существует только приказ фюрера, который вы выполните. Теперь вы поняли?" Я мог лишь ответить: "Да, шеф." Я понял, что спорить в этой ситуации бессмысленно.

Таким образом, я столкнулся с совершенно новой ситуацией и теперь должен был забыть о своих великих планах продолжить переговоры в Лондоне.

Я немедленно разбудил командира специального подразделения СС и довел до него приказ фюрера. Он и его заместитель выразили большие сомнения по поводу плана и сказали, что выполнить его будет далеко не просто. Местность была не очень-то подходящей для проведения такой операции, к тому же в течение вот уже нескольких дней весь участок границы близ Венло был так тщательно заблокирован голландской пограничной охраной и тайной полицией, что вряд ли было возможно произвести захват без стрельбы; а начать стрельбу гораздо легче, чем закончить. Наше главное преимущество заключалось в элементе внезапности. Оба эсэсовских командира считали, что если

мы будем дожидаться, пока британские агенты присоединятся ко мне в кафе, и мы сядем, чтобы начать переговоры, то это будет уже слишком поздно. Действовать следовало в момент прибытия "Бюика" Беста. Они хорошо рассмотрели машину накануне и были уверены, что сразу узнают ее. В момент прибытия англичан наши машины СС были на большой скорости прорваться через линию границы, арестовать англичан и перетащить их из их машины в нашу. Водитель эсэсовского автомобиля хорошо умел водить машину задним ходом, ему даже не требовалось разворачивать ее, а это должно было дать эсэсовцам большее пространство для ведения огня. Одновременно несколько человек должны были выдвигаться справа и слева, чтобы блокировать фланги во время отхода.

Эсэсовские командиры предложили, чтобы я не принимал никакого участия в операции, а ожидал англичан в кафе. При приближении их машины я должен был выйти на улицу, будто бы собираясь поздороваться с ними. Затем я должен был сесть в свою собственную машину и сразу же уехать.

Этот план мне понравился, и я согласился. Однако, я попросил представить меня двенадцати членам специального подразделения: я хотел, чтобы все они меня хорошенько рассмотрели. Капитан Бест, хотя и был немного выше меня, был примерно того же телосложения, носил похожее пальто и тоже пользовался моноклем, поэтому мне хотелось быть уверенным, что не произойдет никакой ошибки.

19

ВОЙНА С РОССИЕЙ

Разногласия с адмиралом Канарисом. - Оценка военного потенциала России Генеральным штабом. - Гейдрих излагает взгляды фюрера на военную ситуацию. - Проблемы сотрудничества между СД и Вермахтом. - Решение найдено. - Опасения активного вмешательства Соединенных Штатов. - Донесение о подрывной деятельности Коминтерна. - Объявление войны Гитлером. - Меня продвигают по службе. Канарис предостерегает против чрезмерного антисимизма. - Сложности с взаимным отзывом дипломатического персонала.

Наступление весны 1941 г. прошло почти незамеченным в военном котле под названием Берлин. Я нервничал и ощущал какую-то тревогу и подспудную неуверенность, будучи не в состоянии определить ее истинную причину. Так или иначе, мне казалось, что я чувствую приближение событий слишком значительных, чтобы быть результатом чьего-то личного воздействия.

Во время прогулок верхом, которые адмирал Канирис и я имели обыкновение совершать ранним утром, мы обычно обсуждали информацию, которая поступала в наши учреждения, к сожалению, во многих случаях дублировавшие деятельность друг друга, что уже само по себе было весьма расточительно. Между нами существовали разногласия в отношении России, и мы спорили по этому поводу в течении многих месяцев. Прежде всего это касалось данных по выпуску продукции русской тяжелой промышленностью. Я оценивал выпуск ими танков гораздо выше, чем Канарис, и был убежден, что они запустили в производство новые модели, превосходящие наши, но Канарис отказывался верить этому. Я пришел к этому заключению в результате довольно необычного приказа, который Гитлер, желая произвести впечатление на русских, отдал в марте 1941 года; мы должны были продемонстрировать советской военной миссии наши наиболее передовые танковые заводы и танковые школы, и в связи с этим предстояло отменить все распространявшиеся на них меры безопасности. (Тем не менее, мы не выполнили приказ фюрера и скрыли наши новейшие модели.) Отношение, которое высказывали русские во время этого мероприятия и вопросы, которые они задавали, привели меня к заключению, что они располагают моделями лучшими, чем те, что были у нас. Появление большого количества танков Т-34 на русском фронте летом 1941 г. подтвердило правоту моих предположений.

Другое расхождение во взглядах возникло в результате того, что Канарис заявил о наличии у него документальных доказательств того, что промышленные центры вокруг Москвы, на северо-востоке, на юге и на Урале, так же как и их главные центры добычи сырья связаны между собой лишь одноколейной железной дорогой. Мое управление получило совершенно иную информацию. Однако Канарис заявил, что его данные проверены, в то время как у нас не было возможности проверить наши.

Отделы армейской разведки "Иностранные армии - Восток" и "Юго-Восток" проделали великолепную работу по объективной оценке информации, да и мы достигли очень хорошего взаимодействия в нашей собственной разведывательной службе. Но приведенные выше разногласия между Канарисом и мной показывают, насколько было сложно для военного руководства, ответственного за маневрирование, провести верную оценку представленной на его рассмотрение информации. Поэтому если материалы не вписывались в их основополагающие концепции, их попросту игнорировали. А поскольку это касалось и высшего руководства, дела обстояли все хуже. Так, Гитлер до конца 1944 года отвергал нежелательную информацию, даже если она была основана на фактах и аргументах.

Отдел оценок (?) "Иностранных армий - Запад" так и не достиг эффективности, сопоставимой с нашей, так как непрерывающаяся смена персонала привела к значительной неопределенности, которая отразилась на их результатах. Сотрудники отдела оценок Люфтваффе страдали по той же самой причине; кроме того, чувство неуверенности было результатом ареста гестапо ключевых работников отдела, оказавшихся членами русской шпионской группы "Красный оркестр". В итоге утраченное доверие так и не удалось восстановить.

Несмотря на склонность Канариса к преуменьшению технических успехов России, в последних разговорах с ним преобладали опасения, что мы окажемся втянутыми в войну на два фронта со всеми вытекающими отсюда опасностями. Мнение Генерального штаба было таково, что наше превосходство в войсках, техническом оснащении и военном руководстве столь велико, что интенсивная кампания против России может быть завершена в течении десяти недель. Собственная теория Гейдриха, которую разделяли Гитлер и Гейдрих, заключалась в том, что военное поражение настолько ослабит советскую систему, что последующее проникновение политических агентов полностью развалит ее. И я, и Канарис сходились в том, что оптимизм нашего военного руководства был попросту нелепым. Кроме того, Канарис так же считал в высшей степени сомнительными политические теории Гейдриха. Действительно, оценка, которую Канарис давал политической мощи русского руководства, была прямо противоположна той, что принадлежала Гейдриху. Он признавался мне, однако, что был бессильно убеждать Кейтеля, своего начальника, принять его точку зрения. Кейтель настаивал на том, что запланированные Гитлером меры столь сокрушительны, что советская система независимо от того, насколько она прочна, будет не в состоянии противостоять им.

Вспоминая ложные оценки, данные западными союзниками мощи Гитлера накануне войны, я все больше убеждаюсь в том, что наши руководители совершают аналогичную ошибку. Я попытался указать на это Гейдриху, сказавшему, что, возможно, было бы разумнее исходить в нашем планировании из возможности того, что Сталин сможет укрепить структуру своей партии и правительства, и что для него война, навязанная России, станет скорее источником силы, нежели слабости. Гейдрих сразу же прервал это обсуждение, холодно промолвив: "Если Гитлер отдаст приказ о начале этой кампании, у нас возникнут другие проблемы." В другой раз он сказал мне: "Это любопытно - несколько дней назад Канарис высказал мне те же самые мысли. Порой мне кажется, что вы двое развиваете замечательные отрицательные взгляды на ваших совместных верховых прогулках утром."

В мае я предпринял еще одну попытку обсудить эту проблему, сказав Гейдриху, что даже если предположить его стопро-

центную правоту, было бы лучше просто из предосторожности изучить другие возможности и подготовиться к разного рода случайностям. И вновь я был резко поставлен на свое место. "Прекратите ваши лицемерные и недалекие и пораженческие возражения, - сказал он. - Вы не имеете права говорить так."

С тех пор я часто размышлял, являлась ли причина априорного неприятия таких возможностей фанатичная вера нацистских руководителей в конечный успех гитлеровских планов, или же многие из них испытывали в душе определенные сомнения, в тоже время отрицая их в открытом разговоре, опасаясь таким образом поставить под угрозу свое положение. Тот факт, что многие из них никак не позаботились о своей личной безопасности на случай катастрофы доказывает, что верным оказалось перовое предположение, и что у них действительно была слепая вера в руководство Гитлера. Однако и сейчас, и тогда я был убежден, что интеллект Гейдриха бесстрастно просчитал для своего обладателя все возможные варианты. Никто не знал, о чем он в действительности думает. Так, в один из летних дней 1941 г., когда мы были вместе в его охотничьем домике, он произнес следующую фразу относительно того направления, которое принимала война: "Судя по тому, как мы ведем дело, все это плохо кончится. Было полнейшим безумием создать этот еврейский вопрос". Значение этого упоминания о еврейской проблеме стало ясным для меня лишь тогда, когда Канарис - уже после смерти Гейдриха - сообщил мне, что он располагает доказательствами еврейского происхождения Гейдриха. Нервозность, которую испытывал Канарис в это время по поводу войны на два фронта, казалось проявлением его глубокого пессимизма. Во время наших разговоров он беспорядочно перескакивал с одной темы на другую - например, во время обсуждения выпуска американских бомбардировщиков, он мог неожиданно начать говорить о политических проблемах на Балканах. Иногда его фразы были так трудны для понимания, так неясно и туманно сформулированы, что лишь хорошо знавшие его могли понять, к чему он клонит. Особенно это касалось его телефонных разговоров. Однажды я шутливо заметил ему по телефону, что считаю себя обязанным проинформировать Гейдриха и Мюллера о его "пессимистических" разговорах. "Дорогой мой, - ответил Канарис, - я и забыл, что мы говорили по телефону."

Ближе к концу апреля 1941 г. мне как-то позвонил Гейдрих. Он сделал несколько туманных намеков на приближающуюся кампанию против России, но, заметив, что я не понимаю, о чем он говорит, сказал: "Давайте пообедаем вместе, тогда мы сможем спокойно поговорить об этом."

Мы встретились в час тридцать в столовой Гимmlера. Только я туда вошел, как появился Гимmlер, окруженный толпой своих сотрудников. Он благосклонно поздоровался со мной, затем отвел меня в сторону. "У вас будет очень много работы в течении нескольких следующих недель", - сказал он. Я весьма сухо ответил: "Это не будет для меня чем-то новым, господин рейхсфюрер." Гимmlер засмеялся: "Что ж, Гейдрих наметил для вас много дел."

За обедом Гейдрих обсуждал многие проблемы, связанные с Балканами, среди них вопрос о связи с различными немецкими частями. И предложил обсудить это с представителями вермахта. Затем он заговорил о русской кампании. Насколько я помню, он сказал что-то вроде этого:

"Вы были правы - фюреру не удалось добиться удовлетворительного решения военной и политической проблемы Британии. Теперь он считает - после того, как наше воздушное наступление закончилось более или менее полным провалом - что Британия может ускорить свое перевооружение с британской помощью. Поэтому он торопит со строительством нашего подводного флота. Его цель - настолько усилить нашу подводную мощь, чтобы отбить у американцев всякую охоту когда-либо активно вступать войну, так как он понимает всю опасность тесного сотрудничества США и Великобритании.

Однако он считает, что хотя Франко и отказался активно поддерживать нас, мы полностью господствуем на континенте и

можем управлять им по меньшей мере полтора года, прежде чем западные союзники предпримут решительные военные действия в виде вторжения. Поэтому очень важно, чтобы мы максимально использовали этот период, и фюрер считает, что сейчас мы можем атаковать Россию, не подвергая себя опасности оказаться вовлеченными в войну на два фронта. Но если мы не используем это время должным образом, тогда нам придется считаться с неизбежностью вторжения с запада, а Россия тем временем настолько усилится, что мы будем не в состоянии защищаться, если она нападет на нас. Россия проводит такие гигантские приготовления, что в любой момент Сталин может воспользоваться любыми действиями наших войск в Африке или на западе; а это значит, что он сможет предупредить все будущие действия, которые мы можем запланировать против него. Поэтому сейчас самое время для решительных действий.

Фюрер убежден, что суммарная мощь вермахта столь огромна, что битва с Россией может быть выиграна, а Россия – завоевана в течении того времени, которым мы располагаем. Но Германии придется полагаться исключительно на ее собственные ресурсы, так как фюрер убежден, что англичане с их душами мелких лавочников не обладают достаточной дальновидностью, чтобы осознать русскую опасность. Претензии России к Финляндии, Болгарии и Румынии, а также их последние политические интриги в Югославии демонстрируют, что Сталин будет готов вступить с нами в битву.

Для любого, кто надеется сохранить новую Европу, ясно, что конфликт с Советским Союзом неизбежен, он начнется раньше или позже. Поэтому лучше отвести опасность сейчас, пока мы можем рассчитывать на свою мощь. Генеральный штаб полностью уверен в успехе. Они считают, что мы должны ударить по противнику, пока он еще не готов к действию. Элемент внезапности будет настолько велик, что кампания может быть успешно завершена самое позднее к Рождеству 1941 г.

Фюрер хорошо осознает все значение и весомость этого решения, и поэтому он не хочет, чтобы даже самые небольшие подразделения наших вооруженных сил оставались незадействованными. Он не только разрешил, но и настоял на том, чтобы были использованы все подразделения полиции безопасности и гражданской (криминальной) полиции. Эти подразделения будут подчиняться командующими армией. Они будут использоваться главным образом в тылу, но так же и на фронте. Фюрер хочет этого, потому что он хочет, чтобы полиция безопасности и служба безопасности защищали нас от саботажа и шпионажа, а также охраняли важных лиц и архивы, то есть занимались общими проблемами безопасности в тылу. Особенно большое значение он придает так называемым "Роллбанам". (Это были специально построенные автомагистрали для тяжелого транспорта дальнего следования, по которым части снабжения продвигались по огромным малонаселенным русским равнинам.) "Ожидается, что операции будут развиваться достаточно быстро благодаря большому числу моторизованных частей, в связи с чем части полиции безопасности также должны быть моторизованы, чтобы они могли активно действовать как в тылу, так и на фронте. Все это было тщательно обсуждено с фюрером, и он лично распорядился, чтобы эти планы были выполнены. Это необычная операция, поэтому все технические аспекты должны быть детально обсуждены с начальником квартирмейстерской службы. Фюрер высказал еще одну мысль, с которой я целиком согласен: впервые эти специальные части будут задействованы на фронте, каждый их член получит возможность проявить себя и заслужить награду. Это окончательно рассеет ложное убеждение, будто бы сотрудники исполнительных (административных? карательных?) управлений – трусы, окопавшиеся на безопасных должностях вдали от линии фронта. Это крайне важно, потому что это усилит наши позиции относительно вермахта и будет иметь благоприятный эффект в кадровом и финансовом отношении.

Обсуждение этого вопроса с армией идет с марта, переговоры с ОКВ (Верховным командованием вооруженных сил) вел Мюллер. У него уже состоялись беседы с начальником квартирмейстерской службы и его штабом. Но Мюллер ужасно неуклюж в делах такого

рода. Он не способен найти нужное слово, и в своей типично баварской бестолковой манере он становится очень упрямым, когда дело касается второстепенных деталей. Наконец, он попросту обращается со своим собеседником как с прусской свиньей. Это, конечно же, возмутительно. Вагнер был совершенно прав, когда пожаловался мне на Мюллера. Поэтому я уже сообщил Мюллеру, что он должен быть отозван с переговоров. Он пришлет вам все относящиеся к делу документы сегодня днем. Я уже говорил о вас с Вагнером и сказал ему, что, хотя вы и очень молоды, я абсолютно уверен, что он найдет вашу манеру вести переговоры более способствующей достижению положительного результата. Завтра он лично примет вас и начнет прорабатывать с вами весь этот вопрос."

Здесь я впервые прервал Гейдриха, чтобы спросить его, какие главные интересы я должен обеспечить.

В своем ответе он обрисовал стоящую предо мной проблему, которая в упрощенном виде сводилась к старой истории ревности и антогонизма между армией и СС. Моя работа заключалась в выработке компромисса с генералом Вагнером в отношении каналов связей и взаимоотношений командования гражданских и военных начальников, проблем транспорта, снабжения горючим и других необходимых деталей. Необходимо было в кратчайшие сроки принять рабочее решение, которое удовлетворяло бы обе стороны.

В должный срок результат был достигнут, и Гейдрих, казалось, был весьма доволен.

С этого момента развитие событий стало стремительным. Подготовка такой кампании, мобилизация такого огромного числа людей и таких количеств материалов требовало невероятной энергии от всех тех, кто имел отношение к работе по организации и планированию. Тот, кому не удалось пережить дни, подобные этим, не может даже представить себе, как много требовалось от каждого из нас. Особенно это было справедливо в отношении моей работы в качестве главы управления контрразведки. Для нас война с Россией уже началась, и на фронте секретной службы уже шли бои. Одним из принципов нашей работы было как можно больше сохранить неослабное наблюдение за раскрытыми нами шпионскими организациями, чтобы мы смогли проникнуть в них еще до того, как начнутся настоящие сражения. Для нас было жизненно важно скрыть от иностранной разведки нашу лихорадочную мобилизационную активность. Я приказал своим сотрудникам провести превентивную акцию - массовые аресты подозреваемых. Эти меры были осуществлены в сотрудничестве с абвером Канариса и другими ведомствами вермахта, при этом особое внимание было уделено высоко "чувствительным" участкам, таким как железнодорожные сортировочные участки и пограничные посты.

Если раньше я откладывал аресты особо важных русских шпионских групп, то дальше тянуть с этим было нельзя. Теперь было жизненно необходимо перекрыть все каналы информации. Однако одну или две из этих групп мы по-прежнему использовали для снабжения русских дезинформацией, подготовленной вермахтом. Нам удалось передать им фальшивые материалы о возобновлении подготовки к операции "Московский лев" - вторжение в Британию. Было очень важно, чтобы Кремль давал ошибочную оценку политической ситуации, и принимаемые меры безусловно внесли свой вклад в то, что их застали врасплох. Например, русские пехотные батальоны в крепости Брест-Литовск все еще маршировали со своими оркестрами даже днем 21 июня.

Канарис нервничал все больше. И он, и Гейдрих испытывали постоянное давление Гитлера, требовавшего все новых материалов о состоянии русской обороны и советских вооруженных сил. Гитлер изучал их отчеты во всех деталях. Несколько раз он жаловался Гиммлеру на Канариса. "Абвер всегда посылает мне пачку частных, совершенно бессистемных донесений. Конечно, они представляют материалы огромной важности и исходят из самых надежных источников, но мне приходится самому разбираться с ними. Это неправильно, и я хочу, чтобы вы проинструктировали своих сотрудников, что они должны выполнять свою работу совершенно по-иному."

Это я слышал много раз, вплоть до конца 1944 г., когда, наконец, Гиммлер сообщил мне, что Гитлер вполне удовлетворен нашей системой работы.

Несмотря на все происходящее, Канарис и я по-прежнему продолжали совершать наши совместные утренние прогулки верхом хотя два или три раза в неделю. И хотя мы договорились не говорить о делах, мы не могли избежать перехода к темам, связанным с нашей работой. Канариса ужасно тревожила приближающаяся кампания. Он в самых крепких выражениях критиковал руководство вермахта, которое несмотря на свои специальные знания, было достаточно безответственным и глупым, чтобы поддерживать взгляды человека вроде Гитлера, считавшего, что мы будем в состоянии закончить русскую кампанию в течении трех месяцев. Он говорил, что не будет участвовать в этом и не понимает, как генерал фон Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль могут быть настолько самовлюбленными, настолько нереалистичными и настолько антимистичными. Но любые возражения были бесполезными; он и так уже стал непопулярным из-за своих бесконечных предубеждений. Всего несколькими днями раньше Кейтель сказал ему: "Мой дорогой Канарис, Может, вы что-то и понимаете в абвере, но вы принадлежите к флоту; вам не стоит пытаться учить нас стратегическому и политическому планированию." Когда Канарис повторял такие высказывания, он обычно осаживал свою лошадь, смотрел на меня широко раскрытыми глазами и произносил очень серьезно: "Не кажется ли вам, что это было бы весьма комично, если бы не было настолько серьезно?"

Темой, к которой мы постоянно возвращались в наших разговорах, были Соединенные Штаты и их индустриальная мощь, особенно выпуск ими самолетов и кораблестроение. Похоже, что этот вопрос был решающим, поскольку он определял продолжительность времени, отведенного нам до того, как возникла бы реальная угроза войны на два фронта. Канарис и я сходились в том, что если бы вся производительная мощь Америки встала на сторону Великобритании, это, без сомнения привело бы к вторжению на континент. Наземным операциям, безусловно, предшествовали бы массированные воздушные налеты, которые, в случае ухудшения на восточном фронте, нанесли бы тяжелый ущерб нашей мощи. Поэтому отсутствие ясности в планировании у руководителей люфтваффе внушало огромную тревогу. Геринг и его сотрудники не разделяли нашего взгляда на эту проблему, поэтому существовала большая неразбериха в графиках выпуска бомбардировщиков и истребителей.

В качестве примера тех трудностей, с которыми мы сталкивались, когда нам было необходимо, чтобы начальство беспристрастно выслушало нашу реалистичную информацию, стоит привести следующий случай: в начале 1942 г. под моим руководством был подготовлен всеобъемлющий доклад на основе нашей секретной информации об американской военной промышленности, в особенности, об общем выпуске стали и строительстве военно-воздушных сил Соединенных Штатов. Подготовка этого доклада заняла почти два месяца, все детали в нем были проработаны ведущими экономистами. Информация была очень полной и объективной. Поступила она из очень надежных источников. Гейдриха она просто поразила, и я никогда не забуду его удивления, когда, просматривая его, он наткнулся на такие цифры, как "общий выпуск стали - от 85 до 90 миллионов тонн." Он показал доклад Герингу и Гитлеру, которые изучили его самым тщательным образом и затем обсудили. Самым неприятным во всей этой истории был разговор, состоявшийся у меня с Герингом. Рейхсмаршал не кричал - он говорил короткими, вескими фразами. Презрительно посмотрев на меня, он вложил доклад мне в руку и сказал: "Все, что вы написали - полная чепуха. Вам следует обратиться к психиатру, чтобы он проверил ваше душевное состояние."

На этом его разговор со мной был закончен. Гейдрих задержался у Геринга чуть больше, и когда он, наконец, вышел, то был весьма зол. Но он никогда не использовал этот случай против меня. Через несколько месяцев я услышал от Гиммлера, что под влиянием Геринга, Гитлер сильно разозлился после прочтения доклада. Он раскритиковал его как заумный и написанный с

единственной целью – продемонстрировать сомнение автора и добавил, что не верит ни единому слову из него.

Позднее, во время Нюрнбергского процесса, я занимал камеру через коридор от Геринга. Я видел его каждый день и мог перекинуться с ним несколькими словами. До этого я не слышал от него ни слова похвалы. Обращаясь из своей камеры ко мне, он громко сказал: "Что ж, оказывается, то, что вы говорили – вовсе не чепуха." Я сразу же понял, что он имеет в виду. В один из дней мне позвонил Гейдрих и попросил подготовиться к отчету у Гимmlера по вопросу контрразведывательной работы против России. Когда мы приехали, Гимmlер начал с того, что рассказал о длинном разговоре, который у него в этот день состоялся с фюрером и в котором была затронута целая серия проблем, связанных с предстоящей кампанией. "С вами, Гейдрих, я хотел бы обсудить несколько вопросов наедине. Для вас, Шелленберг, у меня две особых проблемы. Во-первых, фюрер предполагает объявить о начале наступления в обращении к германскому народу. К этому обращению должны прилагаться доклад ОКВ, а также, возможно, министерства иностранных дел, и, кроме того, подобно тому, как в начале кампании против запада сюда же был включен доклад министра внутренних дел, фюрер теперь желает подобного доклада от меня, как главы германской полиции. В предыдущем случае доклад оказался очень впечатляющим, и он хочет иметь доклад того же типа о подрывной деятельности Коминтерна. К сожалению, в нашем распоряжении всего лишь двадцать четыре часа. Я понимаю, Шелленберг, что вы не волшебник, но постарайтесь сделать все, что в ваших силах. Гейдрих проследит за тем, чтобы вас немедленно обеспечивали всем, что вам потребуется. Так что не теряйте времени."

Это было первое задание.

Второе: в своем обращении фюрер хочет упомянуть о деле Хория Сима в Румынии. <§F Прим. издателя: Хория сима возглавлял в Германии изветсную фашистскую организацию "Железная гвардия." В 1940 году Гейдрих помог ему организовать заговор против маршала Антонеску, румынского диктатора. Заговор провалился, а Сима был арестован, но в качества акта милосердия со стороны Антонеску, он был передан германским властям и интернирован в Германии. Эта сомнительная ситуация повергла Гитлера в замешательство, так как планировавшееся вторжение в Советский Союз требовало укрепления связей между Германией и Румынией Антонеску. Эти чувства замешательства и негодования, возникшие у Гитлера в отношении Гимmlера и Гейдриха, которыми он считал ответственными за случившееся, ожили и усилились, когда в конце 1942 года Симе удалось бежать в Италию, и гестапо в течении некоторого времени не могло напасть на его след. Положение усугубилось тем, что гестапо, надеясь вскоре схватить Симу, доложило о его побеге Гитлеру лишь через две недели. Это укрепило Гитлера в его подозрениях и, с точки зрения Шелленберга, оказало решающее влияние на его собственный план свергнуть Риббентропа с помощью Гимmlера и, таким образом, подготовить почву для его плана "умиротворения".> Вы знаете, – он повернулся к Гейдриху, что это весьма щекотливая тема для нас. Стоит мне пытаться отговорить фюрера или нет?

Гейдрих сказал, что он считает упоминание о Хория Сима совершенно излишним. "Какой в этом смысл? – спросил он, – каким образом фюрер собирается использовать это против России?"

Они молча посмотрели друг на друга, затем повернулись ко мне, желая узнать мое мнение. "В данный момент, – сказал я, – когда наши румынские союзники готовы перейти к активным действиям на нашем южном фланге, фюрер, по видимому, хочет заверить маршала Антонеску, что подобные попытки, направленные на свержение его правительства, больше не повторятся. Возможно, он хочет вырвать эту темную страницу из истории наших отношений, и нет сомнений, что все это происшествие будет отнесено на счет советских происков. Это дело должно стать хорошо известным румынской публике. Я не помню, действительно ли в нем принимали участие коммунистические силы или нет, но указание фюрера будет эффективно лишь в том случае, если мы сумеем

доказать факт их участия."

Гиммлер отпустил меня, так и не придя к какому-то определенному решению. Когда я вышел, я начал прикидывать, как мне лучше выполнить это задание. МОе управление располагало большинством данных, которые могли мне понадобиться, но я решил обратиться за помощью к Мюллеру, который сразу же приказал своим начальникам отделов предоставить в мое распоряжение все необходимые документы.

День уже клонился к концу, когда я вернулся в свой кабинет. Я отдал необходимые распоряжения, и в течении полутора часов на мой стол сыпались досье и документы. Я сидел перед огромной кучей бумаги, и мне потребовалось какое-то время, прежде чем я смог собраться с мужеством и приступить к работе. Но уже к позднему вечеру я отобрал наиболее важные материалы, которые затем взял с собой домой, чтобы там поработать над ними в тишине и спокойствии.

И Гиммлер и Гейдрих по несколько раз звонили мне в течении этой ночи. (Оба они знали совершенно точно, когда я ушел из своего кабинета, и где меня можно найти в любой момент времени.) Гиммлер заставлял меня нервничать. Как только Гитлер задавал ему какой-нибудь вопрос или просто что-то говорил ему, он тут же бежал к телефону и обрушивал на меня град вопросов и советов: "Шелленберг, фюрер хочет, чтобы это было сделано так... и не вдавайтесь в детали слишком глубоко, просто опишите методы работы русской секретной службы..." и т.д. (Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы показать, к каким крайностям может привести централизация тоталитарной системы.)

К счастью, я был хорошо знаком с большинством материалов. Поэтому мне удалось закончить эту работу за то короткое время, которое мне было отпущено. Доклад был принят без каких-либо изменений, и обращение Гитлера к германскому народу было опубликовано 22 июня 1941 г., заканчиваясь следующими роковыми словами:

"Народ Германии, в этот самый момент происходит передвижение войск, которое по своему размаху и объему превосходит все, что когда либо видел мир."

На большие трудности натолкнулись наши попытки скрыть мобилизацию от русских. Эти трудности не в последнюю очередь были обусловлены непрекращающимися спорами между ведомствами Мюллера и Канариса по поводу деятельности в польско-русских приграничных районах украинских национальных лидеров Мельника и Бандеры. Военная секретная служба, естественно, хотела воспользоваться услугами групп украинского меньшинства, но Мюллер возражал, считая, что эти националистические лидеры преследуют свои собственные политические цели в недопустимой манере, и что это вызывает широкое недовольство среди польского населения. Я старался держаться в стороне от этих споров, в особенности из-за того, что совещания, на которых они проходили, были очень длинными и желчными.

Как раз в это время вскрылись вопиющие факты в деятельности зарубежной политической информационной службы (АМТ VI). В результате мер, принятых Гейдрихом, многие сотрудники были подвергнуты дисциплинарному взысканию, и даже поговаривали о том, что против некоторых из них будут возбуждены уголовные дела. Последовавшие безжалостные репрессии показали, чего можно ожидать мне, если я когда-нибудь дам такой повод.

Профессиональные промахи сотрудников управления были гораздо более серьезными, чем их личная распушенность, но даже самые жесткие карательные меры вряд ли смогли бы способствовать улучшению результатов. Я был более чем когда-либо уверен, что эффекта можно добиться только случае полной перестройки управления. Но в этом случае этим пришлось бы заниматься в середине войны и, так сказать, под наблюдением вражеских спецслужб, под руководством начальства, которое не имело ни малейшего понятия о нуждах секретной службы, что, естественно не могло облегчить поставленную задачу.

Интересно, что именно в это время Мюллер предпринял первый открытый выпад против самого существования этой организа-

ции. Он убеждал Гейдриха полностью распустить АМТ VI, отказаться от заграничной секретной службы, действующей в качестве самостоятельного подразделения, а вместо этого сконцентрировать усилия на "Службе наблюдения за противником" в составе АМТ IV - управления, которое возглавлял сам Мюллер.

В тот вечер Гейдрих приказал мне сделать ему отчет. Он повторил для меня план, предложенный Мюллером и добавил с сарказмом: "И все-таки, он всего лишь ограниченный полицейский чиновник." Он попросил меня обдумать эту проблему очень тщательно и затем продолжил: "Теперь я пришел к определенному решению: после того как начнется русская кампания, я собираюсь назначить вас заместителем начальника АМТ IV, а затем, через две недели, сделаю вас начальником. Это новое для вас назначение - возможно, самое трудное из тех, с которыми вы до сих пор сталкивались. Поэтому я дам вам время очень внимательно все обдумать, и когда вы закончите, мы проведем вечер в моем охотничьем домике, где сможем обсудить этот вопрос спокойно и тщательно."

Он поднялся и очень торжественно протянул мне руку. Я вышел из кабинета с бьющимся сердцем. С одной стороны, я был очень счастлив получить, наконец, назначение, которого я ждал так долго. С другой - я был несколько угнетен, что причиной его послужил столь прискорбный провал. С самого начала я почувствовал возложенную на меня колоссальную ответственность. Я был готов принять ее на себя, и, видимо, понятно, что несмотря на мою перезагруженность работой, новая задача взволновала меня, и мои мысли уже начали обращаться к новому полю деятельности.

21 июня 1941 г. Канарис пригласил Гейдриха, Мюллера и меня позавтракать у "Хорхера" - в одном из самых модных берлинских ресторанов. Я знал причину этого - он пытался в последний раз предостеречь Гейдриха и Мюллера против чрезмерно оптимистического отношения к русской кампании. Это было типично для Канариса - использовать, казалось бы, случайный завтрак для изложения своего мнения по вопросу, представлявшему для него исключительную важность. Он хотел заручиться поддержкой Гейдриха против оптимистической позиции Верховного командования вермахта, так как он чувствовал бы себя гораздо более уверенно, если бы имел возможность сказать: "Гейдрих тоже не слишком оптимистичен в оценке ситуации."

Но Гейдрих особо не беспокоился. Он сказал: "Вчера за обедом Гитлер пребывал в очень серьезном настроении. Борман пытался расшевелить его. Он обратился к нему: "Сейчас вы перегружены великими заботами - от вас одного зависит успешное завершение этой великой кампании. Провидение выбрало вас орудием для решения будущего целого мира. Лучше меня никто не знает, что вы всего себя отдали этой задаче, что вы изучили мельчайшие детали этой проблемы."

20. На пути к единой разведывательной службе.

Мои новые обязанности - Проблемы и планы

- Разговоры с доктором Мельгорном - Реорганизация отдела
- Создание комиссии по проверке
- Мы поражены оккупацией Исландии- Гейдрих предлагает слить СД с гестапо-Противодействие этому плану - Мой кабинет

22 июня 1941 года, в день когда наши армии вторглись в Россию, после беседы с Гейдрихом, продолжавшейся едва ли более три минут, я вошел в здание, в котором размещался VI отдел, чтобы приступить к выполнению обязанностей его шефа. Слухи о моем назначении циркулировали уже несколько дней. Несколько серьезных и здравомыслящих сотрудников искренне приветствовали это решение. Подавляющее большинство же испытывало широкую гамму чувств, от откровенного разочарования до настороженного ожидания.

Первым долгом я взялся за решение проблемы кадровых пе-

рестановок, над которой думал уже несколько недель. В первые дни на меня навалилось так много новых и незнакомых мне обязанностей, что который вечер я падал в постель смертельно уставшим. Я должен был создать для себя новый распорядок работы. В эти первые и очень важные для меня дни я понял, что, хотя мне и удавалось достичь цели, к которой я стремился, много лет, передо мной встала сложнейшая задача – перестроить разведывательную службу за границей в разгар войны на два фронта. Меня смущал и подавлял груз, лежавшей на мне ответственности, временами я просто не знал, с чего начать. Первым делом я решил найти верный тон в руководстве повседневной работой отдела и постепенно перейти к более крупным проблемам. Конечно, я уже долго думал над ними и теоретически их разрешил, однако мои выводы было не так легко использовать на практике.

Я понял, что должен спокойно все взвесить и на несколько дней уехал из Берлина к моему близкому другу, доктору Мельгорну. Он обладал огромным опытом в такого рода делах и в то время занимался созданием администрации Восточных территорий. Я знал, что могу обсудить с ним мои проблемы и попросить его совета. Он жил в Познани, и мы вдвоем отправились в поместье моего знакомого, польского землевладельца. Первые три дня я не вспоминал о работе и полностью посвятил себя охоте, верховой езде и рыбной ловле. Сельская местность с ее огромными пространствами, красотой восходов и закатов вселила в меня столь необходимое спокойствие. Под яркими восточными звездами и необъятным ночным небом я почти физически ощущал дыхание земли, впитывал ее сильные и свежие ароматы. Но прелесть лета и природных ритмов нарушали армады самолетов, летевших к фронту: они напоминали о суровой военной

1А

реальности того

времени.

– Если бы не они, я мог бы безмятежно и мирно предаваться собственным мыслям.

Проблемы, вставшие передо мной были сложны и многообразны. Во-первых в отличие от Англии, в Германии не существовало традиций разведывательной службы, и, следовательно, мало кто понимал какие сложные, но жизненно важные задачи она решает. Другим серьезным недостатком было отсутствие объединенной системы разведывательных органов. Вместо нее существовали многочисленные, мешавшие друг другу бюро и агентства. Это приводило к дублированию, лишним расходам, неэффективной работе; сделало неизбежным личные и профессиональные склоки. Наконец, катастрофически не хватало специально подготовленных кадров.

Когда я стал обсуждать эти проблемы и свои варианты их решения с доктором Мельгорном, он заявил, что по его мнению я абсолютно неверно оценивал мотивы Гимmlера и Гейдриха. Единственное, что их интересовало – это власть. Мельгорн был уверен; они безжалостно выбросят меня при первых же признаках неудачи. Это обстоятельство отнюдь не обнадеживало, но я был полон решимости приложить свои усилия и чувствовал себя в состоянии справиться с работой и одновременно избежать любой ловушки.

Отдохнувший, воодушевленный беседами с Мельгорном, я вернулся в Берлин и взялся за дело. Вскоре стало ясно, что его оценка была верной.

Гейдрих, всегда до крайности подозрительный, относившийся ко мне с предубеждением и жестко контролировал каждый мой шаг, ставя на моем пути всевозможные препятствия. Тогда я понял до какой ненависти, зависти и злобных интриг может дойти человек. Временами я ощущал себя скорее объектом охоты, чем начальником отдела. Единственное, что давало мне силы продолжать свою деятельность, было удовольствие и удовлетворение от самой работы.

Когда я возглавил АМТ6, обнаружилось серьезные огрехи в расходовании валюты и финансовых отчетах. Ответственность за это лежала на ряде сотрудников отдела, в том числе на его быв-

ших руководителях. Я использовал эту возможность и потребовал ревизии финансов отдела. Я хотел провести детальную проверку, чтобы мне не пришлось отвечать за ошибки предшественников.

Комиссия по проверке состояла из восьми высоких чинов во главе с советником министерства (ministerialrat). Естественно, я хотел, чтобы комиссия ограничила расследование вопросами финансов и оформления документации, но когда выяснилось, что расходы превысили известную сумму, я заявил о своей готовности устно отчитаться перед комиссией о целях, на которые расходуются средства секретных служб в той мере, в какой это не угрожало нашей работе. Гейдрих использовал последнее обстоятельство, чтобы заронить подозрения в отношении меня. Он дал указание руководителю комиссии обратить внимание на те случаи, когда я отказывался дать исчерпывающую информацию, утверждая, разумеется, будто я пытался скрыть нарушения. Я парировал этот ход, сам собрав информацию по всем подобным случаям, и направил ее Гейдриху лично. Характерным штрихом для наших отношений было то, что, хотя мы многократно виделись в эти дни, никто из нас, ни Гейдрих, ни я даже словом не обмолвились по поводу этой истории. Только вернув отчеты, появлением которых был обязан себе сам, он показал, что оценил мой контрход.

Можно представить, насколько сложно было в этих обстоятельствах выполнить мою программу или завоевать доверие такого человека как Гейдрих. Поэтому относительно своих долгосрочных планов я молчал. Как бы то ни было, проблемы, связанные с самой работой – добыванием секретной информации – были столь многочисленны, что наиболее срочные мероприятия из моей программы могли быть осуществлены без того, чтобы Гейдрих оценил их значение в полном объеме. Он отчаянно нуждается в информации, дабы выставить себя в благоприятном свете перед Гитлером, Гиммлером, Герингом и другими руководителями. Когда он лично представлял им доклады секретных служб, он так интересовался произведенным впечатлением, что мне удавалось добиться от него таких полномочий, которые, в ином случае, он бы никогда мне не дал. Поэтому я сумел организовать отделы по связи в различных министерствах и добился права вступать в прямой контакт с министрами, если хотел обсудить проблемы, решение которых предполагало взаимодействие с данным ведомством. Это было большое достижение и я эксплуатировал его насколько удавалось.

Тем временем мне пришлось пережить первые неудачи. Наиболее тяжелой и опасной из них была оккупация Исландии американцами летом 1941 г. Канарис не смог вообще раздобыть никакой информации о готовящейся акции. Я же направил наверх одно датское сообщение, которое, впрочем, нельзя было считать слишком надежным. Оно пролежало на столе Гиммлера, и Гитлер впервые узнал о случившемся из иностранных газет, да и то с опозданием: служба обработки прессы в Министерстве пропаганды действовала неважно. В результате, мне было приказано создать специальные информационные агентства в нейтральных странах. Это было непросто и потребовало создания издательской фирмы, которая должна была наладить контакты с издателями в Швейцарии, Португалии и других нейтральных государствах. Каналами связи служили Люфтганза и Центральное европейское бюро путешествий; для исключительных случаев имелись и специальные курьеры.

Почти шесть месяцев потребовалось, чтобы объединить работу, которую, дублируя друг друга без всякого смысла, делали подразделения МИДа и Министерства пропаганды, лишь увеличивая тем самым мои валютные расходы.

Через два месяца после назначения начальником АМТ-VI я подготовил меморандум о задачах политических спецслужб за границей. Я показал, что в политике, банковской деле, промышленности, сельском хозяйстве, искусстве, литературе, музыке существуют разнообразные связи между Германией и оккупированными территориями, с одной стороны и нейтральными или воюющими с нами государствами, с другой. Спецслужбы были заинтересованы в установлении контактов за границей и получении оттуда информации.

Мой меморандум должны были положить в основу приказа

рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Гимmlера, предназначенного для различных подразделений СС и персонала министерства. Гимmlер заявил, что в принципе он согласен с мемурандумом и даже готов выступить с изложением моих идей перед высшим руководством СС и партии. К тому же, приказ Гимmlера был разослан и в другие министерства, от которых впервые потребовалось сотрудничать с нами в такой форме.

Однажды, когда я сидел вечером за работой раздался телефонный звонок Гейдриха, приглашавшего меня для беседы. Я расстроился, но собрал все необходимые документы и отправился на Вильгельм-штрассе. В те дни Берлин все еще был великолепен. Пока я ехал по городу долгим кружным путем, я успел забыть о большинстве своих проблем.

Я свернул с Курфюрстендам в направлении Тирпартена и остановился у Кранцлера выпить кофе и мысленно подготовиться к предстоящему поединку.

Основное помещение для Гейдриха на Вильгельм-штрассе обычно напоминало улей. Поэтому я был изумлен, когда увидел лишь несколько утомленных работников, склонившихся над горами корреспонденции: в остальном все было спокойно. Я всегда поддерживал дружеские отношения с помощниками Гейдриха, и один из них шепнул мне: "У шефа нет настроения работать сегодня вечером". Меня ждал светский вечер, и я мог войти в логово льва совершенно спокойным. Однако вскоре стало ясно, что я ошибался.

Когда я вошел, в глаза бросилась нарочитая небрежность, с которой Гейдрих работал над какими-то бумагами. Заметив, что я смотрю за ним, он сделал типичный для него жест - нервно пожал плечами и наконец, отложил бумаги в сторону. "Если что-нибудь очень важно?" - спросил он довольно высоким гнусавым голосом. "Нет, ничего особенного," - ответил я. "У вас есть время пообедать со мной?" - спросил Гейдрих. Фактически это был приказ.

Мы прошли в бар Идена и там пообедали молча, ибо я давно взял за правило, чтобы разговор начинал Гейдрих. За соседним столиком сидела знакомая мне дама, с которой время от времени я дружески переглядывался. Гейдриха, не знавшего ее, это удивило, а его необычайное любопытство заставило расспросить, кто она, где мы познакомились, сколько времени я ее знаю. Затем, он внезапно сменил объект беседы и начал говорить о деле, ради которого и хотел со мной увидеться.

Мы повели долгий и неприятный разговор о передаче некоторых наиболее деликатных и важных функций моего отдела IV отделу Мюллера. Гейдрих использовал древний принцип "разделяй и властвуй". Я согласился со всем, что было сказано, и, сохраняя терпение и спокойствие указал на риск передачи столь важного дела в грубые и неопытные руки. Мой сарказм и аргументация произвели на него впечатление. Гейдрих велел мне уладить этот вопрос с Мюллером: проблема была решена. Затем последовал подробный разговор о деятельности отдела на оккупированных территориях, который завершился вполне приемлемым компромиссом, давшим мне определенную свободу. После окончания разговора мне пришлось сопровождать Гейдриха, обходившего различные ночные клубы и делать вид, что получаю удовольствие от его идиотских бесед с барменами, содержателями заведений и официантками. Все они знали и боялись его, хотя изображали великую преданность. Наконец, в пять утра мне, было позволено уйти домой.

На следующий день я должен был ознакомить Мюллера с решением Гейдриха, однако потребовалось два часа, чтобы Мюллер понял: его атака отбита. При этом я не должен был допустить открытого разрыва: отношения между нами были уже напряжены, а Мюллер был противником, который не останавливался перед любым вероломством без раздумий и использовал все имевшиеся в его распоряжении средства.

В результате, Мюллер заговорил в доверительном и дружественном тоне и повел речь о значении сотрудничества и взаимного доверия. Правда, на следующем совещании руководителей отделов СД он внезапно без предупреждения обрушился на меня, обвинив некоторых моих агентов в халатности и нечестности. Один из приведенных им примеров, действительно, свидетельствовал о на-

шей грубой ошибке. В Париже гестапо арестовало корсиканца с фальшивыми документами, выданными одним из моих бюро в Бордо. Его сотрудники недостаточно тщательно проверили человека с которым имели дело. Так член парижского подполья, разыскиваемый полицией получил важное задание германской разведки.

Неожиданно Гейдрих встал на мою сторону, видимо, из-за того, что вся эта история ему надоела. "Несчастья подобного рода случались и в вашем отделе, Мюллер, - сказал он с иронией. Однажды важный свидетель смог выброситься из окна четвертого этажа. И произошло это не только потому, что ваши следователи спали в рабочее время, но и потому что они не овладели азами полицейского ремесла."

На этот раз Мюллер обжегся по-настоящему и на три или четыре недели оставил меня в покое.

Читателя может заинтересовать, как выглядел мой кабинет, который я занимал в качестве главы иностранного отдела Германской секретной службы.

Прямо напротив дверей большого, хорошо меблированного кабинета с роскошным густым ковром располагался большой письменный стол красного дерева. Самым ценным предметом меблировки в комнате был старомодный сервант: в нем хранилась моя личная справочная библиотека. Слева от стола находился столик на колесиках, на котором были установлены телефоны и микрофоны, связывавшие меня напрямую с канцелярией Гитлера и другими важными учреждениями; был и специальный телефон прямой связи с моим берлинским домом и загородной виллой в Герцберге. Микрофоны были повсюду: в стенах, под столом, даже в одной из лампочек, так что любой звук автоматически записывался. Окна комнаты закрывала проволочная сетка. Последняя была частью системы безопасности, построенной на фотоэлементах, которая подавала сигнал тревоги, как только кто-нибудь приближался к окну, дверям, сейфу или пытался слишком близко подойти к любому предмету в комнате. В течение тридцати секунд после подачи сигнала отряд охраны должен был окружить объект.

Мой стол был маленькой крепостью. В него было встроено два пулемета, которые могли изрешетить пулями все помещение. Эти пулеметы были нацелены на посетителя и следили за его приближением к столу. В случае необходимости мне оставалось лишь нажать кнопку и оба пулемета одновременно открывали огонь. Я мог также нажать на другую кнопку и охрана по сирене окружала здание и блокировала все выходы из него.

Моя машина была оборудована радиопредатчиком, позволявшим на дистанции до 25 миль вести переговоры и диктовать секретарю.

Когда я отправлялся в заграничную командировку мне, в соответствии с постоянно действовавшим приказом, вставляли искусственный зуб, содержащий яд, способный убить меня за 30 секунд, если бы я попал в руки врага. Чтобы быть вдвойне уверенным, я носил перстень с голубым камнем: под ним была спрятана золотая капсула с цианидом (cyanide).

21 Визит в Осло

Гейдрих назначен заместителем фон Нейрана-Требуется мое присутствие в Праге - Приглашение положено в долгий ящик - Визит в Осло - Британцы используют норвежское сопротивление - История женщины-агента.

В сентябре 1941 г. Гейдриха назначили исполняющим обязанности Рейхспротектора Богемии-Моравии под чисто номинальным руководством фон Нейрата. Он посчитал это назначение большим успехом и был очень доволен, однако выразил желание, чтобы я отправился с ним в Прагу в качестве помощника. Это предложение вызывало у меня ужас; было ясно, что его необходимо блокировать до того, как оно станет приказом. Потребовалось все мои таланты, чтобы убедить Гейдриха: в его же интересах, его помощник должен оставаться в Берлине и перестраивать секретную службу. Наконец, он неохотно согласился.

Первоначально, в сентябре 1941 года я собирался слетать в

Мадрид, проинспектировать нашу новую организацию и изучить некоторые вопросы. Эту поездку, однако, пришлось отложить. Гейдрих внезапно решил взять меня с собой в Норвегию. Он хотел выяснить ряд спорных вопросов в его отношениях с рейхскомиссаром Норвегии Тербовеном. Была у него и еще одна цель - он хотел выполнить несколько секретных миссий в качестве офицера Люфтваффе в составе эскадрильи истребителей из Ставангера. Тогда он выполнил бы достаточное количество боевых заданий (combat missions), чтобы соответствовать требованиям, предъявлявшимся для получения Железного Креста первого класса и, таким образом, получил бы от Геринга Золотой Крест.

Как обычно, мы летели на его специальном самолете. Во время полета Гейдрих сидел за столом, заставляя носить своих адъютантов, главным образом, с инструкциями относительно нашей программы в Осло. Он так ее расширил, что в результате едва смог выполнить половину намеченного.

Я решил прочитать две лекции перед собранными для этой цели агентами. Я также собирался изучить работу британской секретной службы в Норвегии и выяснить ситуацию с двойными агентами-норвежцами, вступившими в сопротивление, но, на деле работавшими на Германию. Меня интересовали и возможности использования нашими службами норвежских морских кампаний, все еще поддерживавших связь с заокеанскими территориями.

Сразу же, после прилета в Осло нас принял рейхскомиссар. По протоколу, к Гейдриху, исполнявшему обязанности протектора, полагалось обращаться как к министру. Поначалу Тербовен всеми силами пытался это делать. При этом они с Гейдрихом были лютыми врагами и мне было интересно следить как пройдет их встреча.

После завтрака состоялась первая беседа. Подлинная причина конфликта между Гейдрихом и Тербовеном состояла в соперничестве за верховную власть (на нее претендовали оба) над высшими чинами СС и норвежской полицией. Либо Тербовен, как рейхскомиссар, должен был иметь приоритет над шефом строго централизованной тайной полиции и СД, либо их глава должен был иметь более солидные полномочия. Тербовен считал себя полномочным хозяином Норвегии, обладающим неограниченной властью. Немецкая полиция должна была выполнять только его указания. Директивы центральных организаций игнорировались или высмеивались; только он отвечал перед фюрером за Норвегию. Гиммлер и Гейдрих интересовали Тербовена лишь в качестве личных знакомых. Он мог вести себя как тщеславный автократ благодаря тесным связям с Герингом, зародившимся еще в те времена, когда Тербовен был гаулейтером Рура. Тогда они оба участвовали в каких-то сомнительных комбинациях, в результате которых под предлогом защиты национальных интересов была конфискована часть германских сталелитейных предприятий.

Дискуссия быстро зашла в тупик, и мне предложили изложить мой взгляд на проблему, что я и сделал, несмотря на скрытую, а позднее и откровенную враждебность Тербовена. Как бы то ни было, удалось добиться определенного прогресса и беседа закончилась заявлением Тербовена о том, что, по его мнению, нам удастся найти взаимоприемлимое решение.

Вечером состоялся официальный прием. Тербовен следил за тем, чтобы ни в чем не было недостатка: он во всем копировал своего великого патрона, Геринга. Как мы и ожидали, прием превратился в пьянку. Тербовен пил невероятно много и следил, чтобы от него не отставали. Это было его любимым времяпровождением. Я чувствовал себя настолько не в своей тарелке, что дважды пытался тихо исчезнуть, но мне это так и не удалось. Наконец, Тербовен приказал двум своим секретарям покататься по комнате на велосипеде; раздались приветственные возгласы пьяной компании. И тут я довольно громко заявил: "Ну и цирк!".

Тербовен, должно быть, услышал мою фразу: по-видимому, он только и ждал случая устроить сцену. Он внезапно встал из-за стола, с решительным видом подошел и, встал прямо передо мной, заявил: "Возьмите этот бокал с пивом - он держал в руках литровую кружку - и немедленно выпейте, а то я вижу вы халтурите".

Я выразил свое сожаление и отказался, сославшись на

состояние здоровья. Не успел я закончить фразу, как Тербовен попытался выплеснуть пиво мне в лицо. В дело вмешался Гейдрих и остановил его, за что я его поблагодарил. Через пять минут я ушел не сказав ни слова.

Рано утром на следующий день одна из секретарш Тербовена позвонила мне и попросила прийти пораньше, так как рейхскомиссар пригласил нас к завтраку. Я немного поговорил с этой дамой; она сообщила мне ряд интересных подробностей о странной жизни и обаячаях "двора короля Тербовена". Мне стало очень жаль ее.

С самого начала Тербовен неуклюже пытался извиниться за случившееся. "Кажется вчера мы ужасно нализались (a taible amount of boosing) но, видите ли Шеленберг, беда в том, что вы были слишком трезвый.

После завтрака состоялось еще одно совещание, в котором приняли участие все гости, в том числе Мюллер, прибывший по просьбе Гейдриха. Тербовен уступил во всем. Днем мы катались на яхте по Осло-фьорду.

На следующий день я мог спокойно завершить задуманную работу. На меня произвело сильное впечатление деятельность британской секретной службы, которая, естественно, пользовалась мощной поддержкой свободолюбивых норвежцев. Англичане постоянно использовали норвежское движение сопротивления в интересах военной и политической разведки, а также для организации саботажа. Иногда удавалось внедрить в эту среду двойных агентов, но как я не пытался всеми мыслимыми средствами стимулировать их действия, мы так и не получили по настоящему ценной информации. Несколько случаев предательства серьезно нам помогли, вдобавок мы получили рабачьи катера, коротковолновые радиостанции и так далее.

В это время и флот, и люфтваффе настойчиво требовали создать в Гренландии метеостанцию с коротковолновым передатчиком. Решить эту задачу должна была военная разведка, мне же пришлось принимать превентивные меры, чтобы об этом не узнало норвежское сопротивление. Я предложил всех норвежцев, монтировавших линии коммуникации и снабжения, арестовать как неблагонадежных и отправить в Германию. Это был лучший способ преодолеть подозрительность норвежского сопротивления. Однако эту идею посчитали проявлением излишней осторожности. К несчастью, я оказался прав. Две попытки создать коротковолновую станцию провалились и самое ценное время было потеряно. Третья попытка оказалась удачной, и коротковолновый передатчик некоторое время работал вполне успешно, пока британские пеленгаторы не засекали его и не взяли в плен персонал станции.

Во время одного из вечерних приемов. Я встретился с очень симпатичной девушкой-норвежкой. Она говорила по-шведски, по-английски, -по-французски и, еле-еле по-немецки. Я проговорил с ней около получаса, а затем заговорил с одной из своих агенток-женщин и перестал обращать на девушку внимание. Однако я как-то почувствовал ее интерес ко мне и, конечно, на следующий день она позвонила мне и предложила встретиться.

Когда мы встретились, я увидел, что она чем-то взволнована и после непродолжительного разговора она сказала: "Видите ли, я должна действовать против вас, выполняя специальное задание. Хотя я знаю вас очень недолго, я вижу, вы не такой, как мне о вас говорили. Пожалуйста, помогите мне. Я не хочу никого предавать, но я не хочу и вам нанести вред".

Это признание звучало очень странно. Естественно в силу своей подозрительности, я сразу же подумал: "Это, конечно, новоя уловка. Я не мог ни на что решиться. Я внимательно всматривался в ее лицо и увидел, что она не вполне собой владеет. Глаза покраснели она была не в себе - но это не создавало впечатление истерики или игры. Возможно, подумал я, она действительно страдает от внутреннего разлада, который не в состоянии преодолеть. Я спросил ее, известно ли ее товарищам, где она в настоящий момент находится.

"Не думаю, - сказала она. Я пришла сюда кружным путем и зарегистрировалась под чужой фамилией а приемной - к тому же

меня здесь никто не знает". Я предостерег ее и посоветовал быть все же по-осторожней и сказать своим товарищам, что она приходила ко мне, но не смогла выполнить задание. Я поинтересовался, нет ли у нее родственников в Дании или Швеции. Она сказала, что родственники в Швеции у нее есть.

"А вы не могли бы ненадолго уехать в Швецию, не привлекая внимания немцев и не вызывая подозрений у своих друзей?" Немного поколебавшись, она сказала, что, видимо, сможет. Мы договорились, что по ее адресу в Унсале позвонят по телефону и объяснил, как установить со мной контакт через явку в Стогольме. "А если что-нибудь случится? - осторожно спросила она." Я устрою так, что мой агент будет звонить вам каждые две недели - она назовется Сельман. Если вы захотите что-нибудь мне передать, вы можете сообщить это ей".

Позднее я снова встретился с ней в Стокгольме и устроил ее на квартире одного из наших добровольных сотрудников. Мои первые подозрения в отношении ее оказались совершенно неосновательными. Это был один из тех странных случаев, когда без видимых причин девушка заинтересовалась мною. Клевета на меня обернулась против тех, кто давал ей задание, и она их возненавидела. Она призналась мне в том, что долгое время работала против нас. Если я был тем, за кого, она меня принимала, я должен понять насколько она ненавидела людей типа Тербовена и его приближенных.

Когда ей приказали действовать против меня, она пожалела, а когда от нее попытались добиться откровенности и надавить на нее, она рассердилась. Все это привело к глубоким сдвигам в ее душе, из них и выросло настоящее страстное чувство ко мне, на которое я так и не смог откликнуться. Поэтому, хотя она не могла посвятить себя мне лично, она работала со мной и очень результативно. Однажды она даже побывала от имени норвежского сопротивления в Англии и провела там два месяца. Но она не дала мне сколько-нибудь важной информации, так как ее передвижения жестко контролировались. В других случаях она добивалась большего. Однажды она в одиночку отправилась в Лиссабон и вернулась на португальском грузовом судне с чрезвычайно ценной информацией о королевских военно-воздушных силах. Впоследствии она работала в многих странах, в основном занимаясь социальным шпионажем. Она любила путешествовать и находилась в моем распоряжении для выполнения различных специальных заданий. Однако с течением времени эффективность ее деятельности стала падать. Она откровенно это признала, что ее больше не устраивает, такая жизнь. У нас состоялся долгий разговор, ибо я тоже хотел сделать возможным ее возвращение в нормальную жизнь. Однако в этом отношении она была настроена скептически. Она заработала определенную сумму, получила некоторое удовлетворение от работы поняла, что никогда не реализует своих подлинных амбиций, а именно они давали ей стимулы для работы.

Для ее же блага я поместил ее под наблюдение. Она уехала в Париж, где жила уединенно, в выдуманной ею манере. Позднее мои агенты сообщали, что она стала принимать наркотики. Что случилось с ней потом я так и не узнал. Ходили слухи, будто в мае 1945 года она совершила самоубийство, говорили также, что она совершенно опустилась и под другим именем с финским паспортом работала на русскую разведку.

22 Мы расширяем шведскую сеть

Причины поездки в Стокгольм - Коммунистическая партия в Швеции - оценка ситуации в Германии - сторонники подрывной группы - Отчет о планах России - Разоблачение нашей разведки в Мадриде - на волосок от гибели - Спор с Гейдрихом - наше наступление на востоке остановлено

Вскоре после возвращения из поездки в Норвегию мне пришлось отправить в Швецию. На этот раз командировка была вызвана не потребностями разведки, а желанием Гитлера поспособствовать

распространению расовой идеологии Гитлера. Все это само по себе не имело никакого значения, и я бы не потратил на такое дело и пяти минут, если бы не интерес Гимmlера, заставлявший меня демонстрировать величайшую озабоченность. У него были чрезвычайно романтические представления о разведке, и он постоянно давал мне советы. Временами выслушивая совершенно безнадёжные рекомендации Гимmlера, я с трудом сохранял серьёзный вид.

Хотя моя основная цель была ненужной и незначительной, я решил воспользоваться возможностью и попытаться внедрить своих людей в советскую разведывательную сеть в Швеции. Задача состояла не столько в том, чтобы сражаться с русскими, сколько в том, чтобы внедрить наших людей в их сеть и посредством этого определять размах и эффективность деятельности русских. Разумеется, чем более высокие места заняли бы мои агенты, тем более эффективными оказались бы их старания. Я не только мог бы получать информацию о задачах и эффекте действий против нас, но и пользоваться результатами разведывательных операций русских в других странах.

Шведская коммунистическая партия, хотя она и располагала большим количеством сторонников, не была достаточно сильна, чтобы играть решающую политическую роль. Её главная задача заключалась в предоставлении средств организации явок и помощи агентам, работавшим против Северной и Западной Европы. В силу этого они должны были мне пригодиться.

Как мне стало известно, несколько лет назад швед по имени Нильс Флич вышел из коммунистической партии, после того как его политические идеи изменились в направлении фашизма и национал-социализма. Он сформировал собственную политическую группировку, весьма неплохо организованную которая, издавала газету "Фолькетс Дагблат". У Флига насчитывалось около тысячи последователей из рабочих.

Зная, что Флич испытывает финансовые трудности, я решил рискнуть использовать его в своих целях, но сначала хотел с ним увидеться. Я привык подозревать всех и вся и исходил из того, что в соответствии с обычной советской тактикой, Флич вышел из коммунистической партии с ведома и одобрения русской разведки, давшей ему задание того типа, о котором сам, а именно, проникнуть в нашу разведывательную сеть. По опыту я знал, что русские широко использовали тактику троянского коня и предоставляли агентам массу времени для устройства своих дел.

Я должен был действовать крайне осторожно, чтобы не поставить в неловкое положение своих шведских друзей. Поэтому я должен был ясно дать понять, что моя деятельность не направлена против Швеции. Ответственность Флиха перед своей страной меня не беспокоила, это было внутреннее дело шведов. Я решил не ехать инкогнито, а появиться в Стокгольме совершенно открыто.

Ко мне обратилась с несколькими дежурными вопросами международная комиссия криминальной полиции, и это давало легальный предлог для установления контактов с подразделениями шведской тайной полиции. Недостаток открытой миссии состоял в том, что за мной было бы установлено тщательное наблюдение. Впрочем я создал для себя такие условия, которые, как я надеялся, позволят в случае необходимости уйти от слежки.

Я хорошо знал и любил Стокгольм, поэтому первые два дня я отдыхал, освободившись от напряжения нескольких месяцев. Впервые я понял как меня волновала моя борьба против машины тоталитарного государства. Во главе её стояли люди, не обращавшие внимание на промахи и недостатки отдельных исполнителей. Грохот машины, мчащейся на полной скорости, казался им доказательством их власти и безопасности; в опьянении властью они совершенно не понимали насколько близки к краху.

Меня беспокоила не только судьба Германии, но и собственная судьба. Не то чтобы я усомнился в германской победе или перестал делать все от меня зависевшее, чтобы её достичь. Однако именно в Стокгольме в моем подсознании прозвучало первое предупреждение. Впервые я ясно увидел необходимость использовать все свои личные возможности и возможности руководимого

мною ведомства для установления контактов с врагом. В условиях войны, которая, как казалось, могла закончиться только тотальной победой или тотальным поражением, я решил сориентировать разведку с ее многообразными и запутанными связями не только на сбор секретной информации, но и на установление контактов с воюющими державами: в один прекрасный день они могли бы спасти нас от страшной беды и привести к миру. Разговаривая в Швеции со своими знакомыми, я откровенно признавал, что воевать с Россией чрезвычайно тяжело, но я уверен в окончательной победе Германии.

Первые рабочие дни заняли консультации с моими агентами по организационным и кадровым вопросам, а также выполнение главного задания – тайного финансирования шведских фашистских групп. Я почувствовал слезку со стороны различных спецслужб и даже решил было отказаться от планов встретиться с Флигом. Однако все же встреча состоялась он не произвел на меня неблагоприятного впечатления, хотя физически показался развалиной. Тем не менее я подумал, что 2–3 года он сможет неплохо поработать. Я начал с передачи ему солидной суммы для финансирования его деятельности, чтобы вселить в него уверенность и придать энтузиазм. Я сказал, что каждые четырнадцать дней, хочу получать общее донесение о политических настроениях людей, различных профессий. Если произойдет нечто, представляющее исключительный интерес, он мог послать мне промежуточное донесение. Каждые восемь дней я собирался давать ему специальные задания. Главное было создать в кратчайшее время надежную и эффективную информационную сеть. Он мог использовать эту сеть и в интересах "Фолькетс Дарлаг", которую я тоже собирался финансировать. Главной целью был сбор информации о шведской коммунистической партии и выяснение того, каким образом ее члены используются русской разведкой. Успеха можно было достичь лишь в результате систематической работы, создавая общую картину как бы из мозаики, многих мелких кусочков. Только так можно было сделать выводы относительно кадров каналов связи и методов работы партии в Центральной Европе.

Флич был несколько обескуражен. особенно когда я объяснил, что, по крайней мере десять его лучших товарищей должны официально порвать с его группой и вернуться в коммунистическую партию. Там они должны были очень активно действовать против него и его газеты, дабы восстановить доверие русских. Он должен был поговорить с каждым из них в отдельности, не ставя в известность других, детально растолковать обязанности и добиться их лояльности. Здесь я намекнул относительно мер безопасности, которые необходимо принять, чтобы они на самом деле не ушли к коммунистам.

Если им удалось бы установить контакты с русскими, связь пришлось бы осуществлять крайне осторожно и не торопиться со специальными заданиями. Спешка была бы величайшей ошибкой. Отбирая агентов, Флич должен был быть чрезвычайно внимательным, чтобы выделить тех, кто обладал сильным характером и был абсолютно лоялен по отношению к нему.

Наконец, до Флича дошло, чего я хочу, и он заявил о своей готовности делать все, что я попрошу, хотя и все время говорим о нежелании нанести какой-либо ущерб интересам своей страны. Однако прямо в этот момент я и не стремился к тому, чтобы он дал определенные обязательства и предложил ему очень основательно все обдумать. Когда он уходил, он показался мне более решительным и энергичным; стоявшая перед ним задача его заинтересовала.

После его ухода, я некоторое время сидел в глубоком раздумье в прокуренной комнате. Мне нужно было несколько минут, чтобы преодолеть свою подозрительность. Кто может, на самом деле, заглянуть в душу другого человека? Единственное, что оставалось, это сидеть и ждать. Результаты работы были наилучшим показателем справедливости или несправедливости подозрений.

При финансировании операций особое внимание следовало обратить на передачу валюты, дабы не возбудить подозрений у шведских налоговых служб. Передавать средства следовало таким

образом, чтобы не возникло вопросов по поводу получения Фличом больших сумм. Однако мои усилия дали удивительно хорошие результаты. Флич сообщил, что располагает прямой информацией от русских относительно подготовки крупного контрнаступления зимой. В его донесении точно было указано, что русские будут наносить удар в районе Москвы, где германские войска в ходе наступления, наиболее глубоко вклинились в их оборону. Однако не было точно известно, какими силами будет действовать противник: дивизиями, переброшенными из Сибири или соединениями, созданными в ходе мобилизации в центральных областях. Флич полагал, что в наступлении примут участие от 50 до 65 дивизий, подготовленных к действиям в зимних условиях, в том числе по крайней мере 20 полностью механизированных.

Это донесение меня особенно заинтересовало, так как с середины ноября я получал информацию от своих русских агентов о формировании новых соединений в центральном районе. Аналитический отдел (evaluation sector) германского генерального штаба, основываясь на данных фронтовой разведки и допросов военнопленных также полагал, что новые части начнут появляться на фронте в середине декабря. Важная и точная информация была получена и из личных бесед между высокопоставленными дипломатами из русского посольства, по-видимому, не знавшими о том, что их подслушивают. Сами информаторы были шведскими коммунистами, которые имели тесный личный контакт с различными сотрудниками русского посольства.

Сразу же после этого у меня состоялась беседа со своим японским коллегой. Он нем от сколько-нибудь существенно дополнить эту информацию, но заверил меня, что, по японским данным, русские полностью полагаются на их нейтралитет и исходят в своей стратегии из возможности продолжать войну с Германией, не отвлекая силы на отражение японского нападения на Востоке.

Эти известия были столь важны, что я сократил свой визит с целью подготовить отчет и представить его лично. Посему я не смог встретиться с Фличом, как это первоначально планировалось, для окончательного разговора.

Вернувшись на свое рабочее место в Берлине, я первым делом прочитал отчет специального эмиссара, знакомившегося с работой моих людей в Мадриде, (с ним я еще не имел возможности переговорить). Волосы у меня встали дыбом. Положение было ужасающим. Лишь один из главных агентов, серьезный и изобретательный рабочий, организовавший сеть информаторов, получил хорошую характеристику. Его единственная проблема состояла в установлении контакта с британским посольством, но и здесь ему удалось в конце концов завязать рабочие связи. Но это было единственное светлое пятно во всем отчете. Все остальные казались просто невероятным. Однако я не собирался из ложной гордости скрывать ошибки. Основной радиопередатчик был установлен в заднем помещении ресторана.

Его же ведущие сотрудники превратили в свою штаб-квартиру, встреч агентов и в день получения жалования они устраивали здесь пьянки. Они завербовали владельца ресторана и сделали его казначеем. Кассовый аппарат стал хранилищем средств разведки: все средства и расписки хранились здесь. Местные полицейские знали обо всем, что происходило и сами участвовали в попойках. Некоторые из них даже были контр-агентами и работали на другие разведывательные службы. Было ясно, что не только испанская полиция, но и спецслужбы врага знали коды, использовавшиеся основным передатчиком и читали все сообщения, которые шли из задней комнаты. К счастью для меня, исходя из сложившейся ситуации, все, переданное нашим передатчиком было абсолютной чушью. Некоторое время я подумывал не махнуть ли на все рукой и вводить в заблуждение противника, пока я не создам новую группу где-нибудь еще. Наконец я отложил отчет. Я с ужасом подумал, что высшему руководству действительно передавалась информация, добытая таким образом.

Тем временем перед дверями кабинета ждало несколько человек. Один из них был специалист по Болгарии из аналитического сектора. Его отчет был точным, коротким и свидетельствовал о

глубоком знании предмета.

Следующий разговор оказался куда сложнее. Он касался проблемы, затрагивающей всю нашу ближневосточную политику – реакции на попытку переворота Эль-Галиани в Ираке, который потерпел неудачу и привел к потере значительной доли симпатий к нам в арабских кругах. Мы должны были восстановить в них дружественное отношение к Германии, и я попросил изложить все это письменно, так как собирался обсудить данную проблему с министром иностранных дел и верховным командованием вермахта.

Потом последовало совещание по техническим вопросам и наконец, я смог вернуться к груде документов на моем столе.

Около двух часов ночи я утомился настолько, что перестал воспринимать прочитанное, и отправился домой. Весь дом спал. Я быстро заглянул в детскую и, тяжело вздохнув рухнул в постель. Жена проснулась и с глубоким беспокойством проговорила: "Ты не сможешь так жить". Но я слишком устал, и ничего не ответил.

Следующее, что я услышал, был ее голос, доносившийся до меня как бы с большого расстояния: "Вальтер, Вальтер! Воздушный налет! Надо одеться и отнести мальчика в подвал". Это только первое предупреждение, – ответил я. – Если это действительно налет, у нас полно времени, чтобы спуститься.

Я жил как раз (just off) рядом с Курфюрстендом. Поблизости была расположена зенитная батарея, и когда она вела огонь, вся квартира (а мы жили на пятом этаже) содрогалась. Грохот орудий становился все сильнее, от бомб дрожала земля. Я подошел к окну, все еще не зная, как быть, и вдруг увидел огромный бомбардировщик, пойманный перекрещивающимися лучами прожекторов. Попав под огонь зениток, он попытался ускользнуть, но это не удалось. "Лучше спуститься," – сказал я. Отвернувшись от окна, я услышал вой падающей бомбы. Я крикнул жене, чтобы она легла, но она бросилась в детскую и оказалась в дверях, когда раздался страшный грохот. Она рухнула на пол, а меня подбросило в воздух и ударило о противоположную стену. Я услышал звон стекла, грохот падающих кирпичей – и затем – полную тишину. Через мгновение в ночи зазвучали мольбы о помощи. Раздались крики команд и топот многих ног. Я услышал охрипший голос жены: "Ты в порядке?". Я не знал: все еще был оглушенным. Она очнулась быстрее, чем я и через осколки стекла и груды вещей, бросилась в детскую. Я бросился за ней, со стыдом заметив, как быстро женщины реагируют в таких обстоятельствах. Она распахнула покосившуюся дверь, и . . . ., под одеялом запорошенный пылью малыш улыбнулся матери счастливой улыбкой, целый и невредимый. Все в комнате – и окно, и мебель было переломано и разбито, в стене над кроватью застрял зазубренный осколок бомбы. Мы с женой опустились перед кроватью на колени, и на мгновение наши глаза встретились.

Мы были так взволнованы, что не слышали криков снизу: "Пятый этаж, вы с ума сошли? Выключите свет, не слышите они все еще в воздухе?" Мы быстро выключили свет и спустились в подвал. Позднее я вышел посмотреть, что же случилось. Это было невероятное зрелище. В радиусе двухсот ярдов упала серия из пяти бомб. Одна из них врезалась в основание дома и снесла всю его левую часть. К счастью, убежище располагалось не там, иначе мы бы погибли.

После отбоя мы с женой начали разбирать завалы. Я приготовил кофе, и мы просидели вместе до того момента, когда мне надо было идти. – На верховой прогулке я встретился с Канарисом. Когда я рассказал ему о ночных происшествиях, он разволновался (что было для него очень необычно) и сурово разбил меня за нежелание сразу же спуститься в подвал. Этим утром прогулка верхом была не очень удачной.

Лишь во время завтрака мы заговорили о делах. Мы подробно обсудили японский военный потенциал и Канарис попросил передать ему мои документы по этому вопросу, чтобы самому их проанализировать. Он также поинтересовался, не передавал ли Гейдрих фюреру материалы, которые могут усилить его про-японские настроения.

"Нет, насколько я знаю, нет, – отвечал я. – Я знаю, что

Гейдрих очень интересуется Японией и довольно хорошо знаком с ее историей. Действительно, накануне русской кампании он приказал нескольким эсэсовцам изучить японский язык. Он хотел послать 40 из них служить в японской армии, а самим принять на службу 40 японцев. Позднее он намеревался послать 20 лучших из нас для выполнения разведывательной миссии на Дальнем Востоке. Он хотел, чтобы я изучал японскую историю и религию, государственные структуры, влияние католической церкви на японские университеты.

Канарис посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. "И вы уже все это сделали?" - спросил он. Я ответил, что нет. "Весь интерес к японскому образу жизни пропадает, когда дело доходит до так называемого расового принципа," - добавил я с иронией.

"Что вы имеете в виду?" - поинтересовался Канарис.

"А вот что. В штате японского посольства работал сотрудник, пожелавший жениться на немецкой девушке. Гимлер был против, Гитлер, разумеется, тоже, а Риббентроп - за. Они ходили вокруг да около несколько месяцев. Расовые эксперты исписали горы бумаги, и в конце концов, нашли в расовых законах лазейку, которая дала им возможность пожениться".

Внезапно Канарис спросил с невинным видом: "О чем вы беседовали с вашим японским другом в Стокгольме?" У меня это вызвало чувство досады, и я ответил, что с японцем ни о чем не разговаривал. Даже, если бы такой разговор был, я бы стал это отрицать - и он хорошо это знал. Он должен был понимать, что я не хочу об этом говорить, но начал делать вид, будто обижен моим отказом. "У вас есть превосходный агент, работающий на японцев, вы должны быть, говорили с ним".

Это была правда. У меня был сотрудник в Стокгольме, итальянец с прекрасным образованием, вхожий в японское посольство, где он много лет работал переводчиком. Он завоевал доверие японцев, и благодаря своему уму, опыту и лингвистическим способностям, часто получал ценную информацию без всяких стараний. Действительно, я увеличил ему плату во время своей поездки в Стокгольм, хотя сам с ним и не разговаривал. Но что же стояло за настойчивым любопытством Канариса?

Об этом я узнал очень быстро, во время обеда, на который был приглашен Гейдрихом накануне.

Перед обедом я коротко доложил ему о своей работе. Его особенно заинтересовала история с позорно провалившимися агентами в Испании, однако я сумел его убедить в том, что более суровые, чем увольнение со службы, наказания создадут для меня психологические трудности во взаимоотношениях с подчиненными. Впервые я рассказал ему о проблемах для сотрудников, возникших в связи с быстрой, но необходимой реорганизацией отдела. Я предполагал, что если кто и заслуживал наказания, то это мой предшественник. Эта колкость подействовала на Гейдриха. Он знал, что я не разделяю его отношения к этому человеку, независимо от его мотивов. Он сразу же сменил предмет разговора.

"Сегодня мы должны многое обсудить, - сказал он. - Лучше, если мы сделаем это за едой, тогда нам не помешают." Подали привычную для него пищу - баварский суп, на котором специализировался повар Гейдриха.

Гейдрих был до крайности сердечен и, зная его, я стал опасаться, что он сейчас, сообщит о моем переводе на Восточный фронт в наказание за благожелательный отзыв о докторе Бесте, бывшем сотруднике СД. Как бы в ответ на мои мысли, Гейдрих сразу же заявил: "Я не в состоянии обойтись без вашей помощи здесь в Берлине, и я отказался от мысли временно направить вас на Восточный фронт. Вам может быть интересно, что я на самом деле уже поговорил об этом с Гиммлером, и он решительно выступил против такой идеи. Кажется, вы его протезе. Он заявил, что любое изменение ваших функций должно получить его одобрение. Хотелось бы знать, дорогой Шелленберг, как вам это удалось. Однако на вашем месте, я не стал бы так сильно на него рассчитывать."

(J world not count on the situation).

После того, как я кратко рассказал ему о поездке в Швецию, он вынул маленькую записную книжку и быстро набросал несколько положений, вытекавших из нашей беседы на другие темы.

Насколько я помню, говорили о следующем: во-первых, он поинтересовался моим мнением о деятельности Розенберга по созданию министерства восточных территорий, принципы которой были определены на совещании 16 июля 1941 года, где излагались основы германской оккупационной политики в России. В совещании участвовали Геринг, Кейтель, Розенберг, Борман. Гитлер предлагал поделить Россию и управлять ее, как колонией, игнорируя стремление к самоуправлению многих народов Советского Союза.

Замечания Гейдриха свидетельствовали о неразумности политики покорения "русских недочеловеков", проводившейся Гитлером. Гитлер настаивает на безжалостном использовании RSFT<\$Ффинансировавшемся нацистами русского антикоммунистического освободительного движения>, - сказал Гейдрих. - Он хочет как можно быстрее создать четко организованную систему получения информации, систему, которую не смог бы превзойти даже НКВД, безжалостную, постоянно действующую, так, чтобы нигде в России, не мог в подполье появиться лидер типа Сталина. Если он и появится, его следовало вовремя распознать и вовремя уничтожить. Основная масса русского народа не представляет опасности сама по себе. Русские опасны лишь постольку, поскольку в их среде формируются и развиваются такие личности.

Я в задумчивости взглянул на Гейдриха. Он прочитал мое мнение в моих глазах и пожал плечами. Верил ли Гейдрих в эту чушь? В такие минуты его было невозможно понять. Я спокойно сказал: "Едва ли двухсотмиллионный народ можно удерживать в подчинении с помощью иностранной полиции - особенно если не представлять автономии национальностям, которые ненавидят советскую систему и могут быть привлечены на нашу сторону. В конце концов, это, вероятнее всего, подтолкнет их к какому-нибудь империалистическому пан-славянскому движению. Я думаю, нам следует создать несколько автономных образований и поощрять их национальных лидеров. Тогда мы сможем сыграть на их взаимной вражде. Подумайте хотя бы об украинцах, грузинах, белорусах, людях типа Мельника и Бандеры..."

Гейдрих, ошеломленный и раздосадованный, промолчал. "Вы ничего не понимаете в таких вещах, - сказал он. Смешение различных рас, если целенаправленно осуществлять его несколько десятилетий, даст тот же эффект, и это докажет правоту фюрера".

У меня все это вызывало сомнения. Я напомнил Гейдриху, что несколько дней назад за обедом он сам слышал о научных исследованиях, проведенных де Кринишем (de Crinis). Согласно его данным, величайшие германские музыканты, мыслители и ученых происходили из областей, наиболее интенсивного смешения рас. Гейдрих отвергал идеи де Криниша. Этот парень напридумывал всякую ерунду. Он очень симпатичен, но его нельзя принимать всерьез как ученого. "Наконец, он прекратил дискуссию, отдав короткое распоряжение: "Вы должны активизировать действия разведки против России. Фюрер выразил большую озабоченность по этому поводу. Он считает исключительно важной любую информацию внутренней политике Сталина - особенно относительно, партизанской войны и отношений между партией и армией".

Тем временем атмосфера в Берлине становилась все более мрачной. Наступление на востоке остановилось. Войска, экипированные для летней кампании потрясла суровая русская зима. Ответственность за это должны поровну разделить руководители вермахта и Гитлер. И генералы, и фюрер жили одной и той же утопией и отказывались прислушиваться к критике. Тщетно полковые офицеры, сообщали в штабы о приближающейся катастрофе.

Расчеты Сталина, о которых меня предупреждали, начали оправдываться всего через шесть месяцев. Мой первый доклад о переброске войск из Сибири в европейскую часть страны был встречен с интересом, но цифровые данные сочли завышенными и никаких мер не приняли, хотя фронтовая разведка и данные допросов военнопленных продолжали подтверждать мои сведения.

19 декабря 1941 г. Гитлер снял с поста фельдмаршала фон Браухига и взял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Это была кульминация тоталитарного режима; решение Гитлера означало полное подчинение ему вооруженных сил. Затем началось великое зимнее наступление русских и отчаянные арьергардные бои, отходящих германских войск. То, что плохо экипированные, замерзшие, совершенно измотанные германские войска не рассыпались под ударом русских, возможно, было нашим величайшим достижением во второй мировой войне.

23 Вокруг Пирл-Харбора

Пренебрежительное отношение японцев к Гитлеру – Зонтаж намерений Японии – Подтверждение сведений Янке – Его взгляд на стратегию Японии – Критическая оценка информации о Японии – Гитлер настаивает на вступлении Японии в войну – Его отношение к китайско-американским дискуссиям – Скептическое отношение Гитлера к докладам СД – Нападение Японии.

В начале осени 1941 года отношения с Японией были настолько неопределенными, особенно в связи с японо-американскими контактами. Министр иностранных дел Японии и его заместитель в начале сентября отказали в информации о переговорах между США и Японией германскому послу в Токио. Гитлер справедливо испытывал неудовольствие по поводу столь оскорбительного поведения члена пакта трех. Несмотря на все усилия Риббентропа, японцы не реагировали на предложение вступить в войну с Советским Союзом. Было неизвестно, собирается ли Япония вести наступление в южной части Тихого океана или удовлетворится продолжением своей кампании в Китае. Поэтому фюрер приказал Канарису и Гейдриху использовать все возможные средства, чтобы получить ответы на эти вопросы. Однако задача была поставлена в такой общей форме, что мне самому пришлось обдумывать и отрабатывать пути ее решения.

Внезапно до меня дошло, почему Канарис так настойчиво расспрашивал меня о моих беседах с японцем в Стокгольме. Когда я рассказал об этом Гейдриху, он проволвил: "Старая лиса – он всего лишь хотел узнать, получили ли мы такое задание." Он спросил меня о моих планах и подчеркнул, что деньги можно не жалеть. Я напомнил о напряженном положении с валютой, но он просто сказал: "Идите и переговорите, с кем необходимо". Я тут же воспользовался этим и попросил разрешения создать собственную валютную службу, независимую от РСХА, которая находилась бы под моим личным контролем. Он тотчас же согласился. Это был неожиданный успех, следующий шаг на пути к реализации моей цели.

Вскоре после этого я должен был вылететь в Москву, выяснить как действует моя новая сеть. В Мадриде мне позвонил мой японский друг из Лиссабона и стал настаивать на встрече со мной. Я не располагал временем, и был крайне удивлен, когда на следующий день обнаружил, что он приехал в Мадрид.

Он был очень взволнован и говорил на смеси языков, преимущественно по-немецки и по-французски. Он сообщил мне, что переговоры между Японией и Америкой фактически провалились; было ясно, что Япония собирается начинать войну и что, будет проведена десантная операция в Южном направлении.

Главная причина его беспокойства состояла в том, что он лично заверил Токио в германской поддержке, но сейчас начал в этом сомневаться. Его страхи вызывала пассивность Японии в отношении России, в то время, когда Германия постоянно просила об активных действиях. Он хотел получить у меня заверения, что Японию не оставят с Америкой один на один.

Будучи очень осторожен в своих ответах, я сумел его успокоить. Я заявил, что Гитлер и Риббентроп, по всей вероятности, сразу же объявят войну, особенно в условиях, когда отношения между Германией и США очень напряжены. Что касалось информации о намерениях Японии, то я предложил добыть ее заслав соответствующие указания по всем нашим агенствам, имевшим дела с японцами, в Анкару, Белград, Берлин, Буэнос-Айрес, Лиссабон,

Рим, Шанхай, Стокгольм, Токио и Виши. Особенно важным я считал Виши, так в это самое время японцы вели с Петэном переговоры относительно оккупации Индокитая. Французский агент передал мне ценнейшие сведения о происходившем за кулисами с той и другой стороны, которые дополнили официальные материалы, полученные Риббентропом. Мне хотелось немедленно изучить полученные сведения и подготовить отчет для фюрера.

Я попросил Гейдриха связаться с генералом Фелльгибелем из технической информационной службы Сухопутных войск (Army Technical Information Service) и Форшунгсамтом, научно-исследовательским отделом. Задача состояла в том, чтобы прослушивать на Виши и Белграде. Я полагал, что из передач на коротких волнах мы сможем получить интересные данные. То же самое, разумеется, относилось к контролю над коммуникациями между Берлином и Токио. Гейдрих тут же вызвал Фелльгибеля и поговорил с ним в моем присутствии, попросив в дальнейшем по всем вопросам непосредственно обращаться ко мне. Это было потрясюще! Кажется, мир перевернулся. Я давал задания Гейдриху! Затем я попросил его немедленно переговорить с фрау фон Дирксен. Она устроила нечто вроде политического салона в Берлине, и в это время была обласкана фюрером. Как мне было известно, ее салон навещали два японца, которые вели оживленные беседы с двумя светскими дамами. Я часто получал информацию из этого источника, но на сей раз предпочитал, чтобы Гейдрих сам побеседовал с хозяйкой: я не хотел отвечать за разглашение секретного задания излишне разговорчивой фрау фон Дирксен.

Я решил, что настал подходящий момент для того, чтобы поставить кадровый вопрос, который я длительное время обдумывал, хотя это предполагало разговоры на щекотливую тему. Вопрос касался возвращения на службу померанского землевладельца Янке. Гиммлер и Гейдрих ему не доверяли и испытывали к нему сильную антипатию. Они бесжалостно боролись с ним и почти добились его. Тем не менее, Янке поддерживал очень осторожные личные контакты со мной. Однажды, к моему великому изумлению все его досье, охватывающие 1933-1938 гг. были конфискованы. Когда я еще работал в контрразведке, я познакомился с этими материалами и решил побеседовать с ним, однако не сделал этого, так как Гейдрих меня решительно предостерег. Видимо, Янке был персоной нон грата для Гитлера, подозревавшего его в том, что он был замаскированным британским агентом и имел отношение к бегству Гесса. Это на самом деле было мнением Гейдриха, но он умудрился убедить Гитлера в своей правоте. Поэтому лезть в это дело было все равно что хвататься за раскаленное железо. Я напомнил о его прошлом, опыте более, чем 25-летней службы в германской разведке, бесспорных заслугах в годы первой мировой войны и сказал, что пришло время забыть старые распри. В любом случае, я был обязан держать его под строгим контролем. Если он действительно оказался бы иностранным агентом, я был бы с ним очень осторожен, и, в конце концов, это принесло бы нам больше пользы, чем вреда.

Гейдрих сразу же понял, чего я хочу. Он знал прошлое Янке лучше, чем я. Его дальневосточные связи были особенно важны в связи с полученным нами заданием. Он был не только вхож в семью Сунь Ят-сена, но и поддерживал тесный контакт с генералами фонн Сектом и фон Фалькенхаузенем, бывшими военными советниками в китайской армии. С 1935 г. он был советником Гесса по вопросам разведки. Он был бы абсолютно бесстрашен - если бы не одно обстоятельство: "Гейдрих, видимо единственный человек на свете, которого я опасюсь - я не могу представить себе кого-либо безжалостнее и опаснее, - сказал он мне однажды. У него больше серого вещества, чем у всех остальных вместе взятых. Но если он будет продолжать вас эксплуатировать и заездит до смерти, ему конец".

Когда Янке говорил нечто подобное, прежде он думал не один, а десять раз: он вообще был скуп на слова. Позднее разговаривая с Гейдрихом в моем присутствии, он слово в слово повторил эту фразу ему в лицо. Гейдрих побледнел, но ничего не

сказал.

Я сказал Гейдриху, что не вижу никого, кто более бы подходил для такого задания. Я знал о каналах, через которые Янке имел хорошую связь с Японией. Одним из них был русский бывший царский полковник, а сейчас натурализовавшийся чилиец, живший то в Берлине, то в Париже. Другой был немецкий еврей из известной семьи, брат которого занимал видное место в британских финансовых кругах. Мы с Янке годами старались защитить этого человека от германских расовых законов, а Мюллер, главный враг Янке, подыскивал случай нас перехитрить. Благодаря мстительности и вероломству он чуть было не добился своего, и мы с величайшим трудом смогли избавить этого человека и его семью от мести Мюллера. В конце концов, мы помогли ему бежать в Швейцарию с гондурасским паспортом.

Я собирался направить Янке в Швейцарию, дабы он смог использовать для сбора информации свои китайские связи, к тому же проблема Китая занимала центральное место в переговорах между Японией и США. После недолгих уговоров Гейдрих согласился завтра же встретиться с Янке.

Беседа между ними протекала вполне дружелюбно. Как только возникала угроза, что страсти накалятся, я вмешивался и сглаживал острые углы. С этого времени Янке стал моим ближайшим советником. Он действовал совершенно независимо с молодым помощником в составе "Бюро Янке".

Мой следующий шаг, после того как я обеспечил сотрудничество Янке, состоял в передаче детальных заданий по радио, телетайпам и через курьеров различным группам за границей. Резидентам сообщили о важности задания и сроке его выполнения. На следующий день я обуздал эту проблему с Янке. По его мнению, я был абсолютно неправ: я сделал ставку на информацию из японских источников, однако американские источники, возможно, были бы не менее важны и более доступны. Я согласился и внес в свой план соответствующие изменения.

"Большая ошибка – настаивать на вступлении Японии в войну против Советского Союза, – говорил Янке. Правящий класс Японии всегда следовал принципу: обеспечивать японский тыл. Их стратегия состоит в том, чтобы ограничиться действиями в Восточной Азии, пока европейские народы не выпустят друг другу всю кровь. Их лозунг: "Азия – для азиатов", и они считают себя естественными лидерами в этом регионе. Понять это, а значит и дать адекватный совет Гитлеру, Риббентроп не в состоянии."

В результате тесного общения с японцами Янке пришел к выводу, что для обеспечения своей гегемонии на Дальнем Востоке Япония скорее всего двинется на Юг. Это совпадало со сведениями, полученными из других источников.

Японцы понимали, что такой курс может привести к войне с Америкой, но пока они надеялись добиться как можно больше путем переговоров. Японская разведка полагала, будто главной целью Рузвельта было помочь Британии. Рузвельт же считал, что Великобритания, ни в одиночку, ни в союзе с Россией не сможет одолеть Германию. Решающее значение для Японии имела также проблема Китая. Японская армия была связана боевыми действиями и военные не хотели ни на шаг отойти от своих планов. Поэтому оставался один вывод: мы не можем рассчитывать на вступление Японии в войну против Советского Союза, но должны ожидать продвижение японцев в южноазиатском районе, если переговоры с Америкой не дадут удовлетворительного для них результата.

Была и третья проблема, которая, казалось, совершенно не учитывалась ни Гитлером, ни Риббентропом. Продвижение японцев в Юго-Восточной Азии создавало угрозу британским, французским, голландским и португальским владениям в этом районе. Европа, а значит и Германия могла лишиться важных источников сырья, нанесло бы удар по ее экономике. "Это ли не основание для проведения действительно долгосрочной европейской политики, вместо оккупационной политики с жестокими и недалновидными акциями герра Мюллера?" – спрашивал Янке. По тому, как он это говорил, было видно, что он предпочел бы заменить "Мюллер" на "Гитлер".

День спустя после этого разговора с Янке я дал дополни-

тельные задания, предложенные им. Все сотрудники за границей напряжены работами, и я с тревогой ожидал результатов. Это был один из тех случаев, когда – терпение было абсолютно необходимо в нашей работе. Однако руководители плохо это понимали.

Через восемь дней начали поступать первые сообщения, и аналитический отдел принялся за систематическую работу. Даже самые малозначительные донесения внимательно изучались на предмет выяснения надежности источника и достоверности информации. Я отказался передавать какие-либо сведения руководству до завершения работы моих аналитиков. Наконец-то мы могли проследить рост и падение влияния различных противоречивых тенденций в японской политике и их значение для определения внешнеэкономического курса в отношении Соединенных Штатов, партнеров Японии по пакту 3-х и, особенно, Советского Союза. В течение двух недель, пока шел анализ получаемой информации, давление на нас все более усиливалось. Однако первый доклад был сделан только после того, как я полностью документировал его большим числом различных источников, и, мог представить свой труд со спокойной совестью.

Гитлер чем дальше, тем больше неравночал, особенно после падения Мацуоки в июле 1941 г. Все вертелось вокруг вопроса: будет ли Япония верна своим обязательствам перед странами Оси, несмотря на договор о нейтралитете с Россией от 13 апреля 1941 года, или, с целью обеспечить себе безопасный тыл, она сделает еще несколько шагов навстречу пожеланиям американского правительства. В этом случае пакт 3-х мог превратиться в ничего не значащую бумажку. Чувствуя, что время уходит, Гитлер начал оказывать давление на японцев; любой ценой он хотел вовлечь Японию в активные боевые действия, чтобы облегчить положение Германии.

Для подкрепления немецких усилий Дитрих, шеф пресс-службы Рейха, выпустил серию оптимистических пресс-релизов. Глава ДПВ-германского агентства новостей и близкий друг Янке фон Ритген позвонил мне и стал допытываться, как понимать все эти невероятные сведения о том, что война будто бы уже выиграна, большинство русских армий разбито, и русские не в состоянии лишить нас победы. Послушайте Шеленберг, – говорил он, – объясните мне, что происходит? У меня появляется чувство, будто, я нахожусь в сумасшедшем доме. Я только что разговаривал с этой баварской деревенщиной (так он называл некоего Зудермана из пресс-службы правительства), которая трепалась на своем диалекте и рассказывала мне о том, как она собирается написать об окончательной победе в "Фелькишер беобахтер". Мои люди хотят знать, что все это значит, а я не знаю, что им сказать."

Я постарался его успокоить. Несомненно, Вермахт одержал ряд выдающихся побед в России, – заявил я. Но я сильно сомневаюсь в справедливости заключений Дитриха. Гитлер преследует две цели: во-первых, он хочет продемонстрировать достижения вермахта всему миру, да и германскому народу, и, во-вторых, пытается оказать давление на Японию. Он хочет внушить ей опасение, что если она и дальше будет колебаться, то опаздает к делу добычи. Если она хочет получить часть Сибири, следует поторапливаться. Не знаю поможет ли это – в конце концов мы имеем дело не с европейцами, а с неуловимыми японцами. Мы старались все это объяснить в наших докладах Гиммлеру и Гейдриху, но обратили ли они на это внимание, другой вопрос".

Когда Гитлер прочитал мой доклад о японо-американских переговорах и амбициях Японии в Юго-Восточной Азии, он впал в ярость и с презрением отверг все мои предостережения. Он совершенно проигнорировал то обстоятельство, что в июле 1941 года Соединенные Штаты ответили на японскую оккупацию юга Индокитая замораживанием японских активов, мерой, к которой намеренно присоединились Британское содружество и Нидерланды. Финансовое эмбарго ударило по жизненно важным центрам японской экономики, приостановив поставки сырья, прежде всего нефти. Поэтому, когда в августе 1941 года премьер Коноэ предложил встретиться с Рузвельтом, Гитлер посчитал это личным оскорблением. Он постарался всеми возможными средствами сорвать япо-

но-американские переговоры, однако его попытки оказались безрезультатными. Гимлер и Гейдрих упрекали меня за это, но я парировал обвинения, указывая на полный провал в том же деле Риббентропа.

Фон Ритчен выслушал мои объяснения с огромным интересом. Мы договорились позавтракать вместе, и за завтраком я получил ценные сведения, подтвердившие то, что мы уже знали или подозревали. Получив информацию из Каира и Стамбула, один из наиболее способных сотрудников фон Ритчена доктор Рейхерт подготовил вполне убедительный доклад, основанный на надежных источниках. В нем сообщалось о больших летних маневрах специальных частей японских ВВС, проводившихся в бухте Гаго неподалеку от Китая. Взаимодействие авиации и флота оказалось чрезвычайно эффективным; и флот, и армия договорились навчать действия в недалеком будущем. Осуществляя стратегическое планирование, они рассматривали лишь один вариант действий: наступление в южной части Тихого океана. Для реализации этого плана было необходимо, чтобы Россию по-прежнему связывала Германию и, имея это в виду, японские дипломаты пытались добиться подтверждения нейтралитета с Россией. Армия была задействована в Китае и Индокитае и была не готова взваливать на себя дополнительные обязательства.

Эти доклады вместе с докладом представителя ДПВ в Токио Зорге Гейдриху предстояло обсудить с Гитлером, Риббентропом, Кейтелем и Йодлем. Перед отъездом на это совещание я передал Гейдриху несколько донесений из Буэнос-Айреса и Лиссабона, подтверждавших наши заключения. Еще одним подтверждением нашей правоты стало заявление Токио о закрытии до середины августа для всех иностранцев, в том числе и дипломатов, острова Кюсю.

В конце октября 1941 года Янке передал доклад японской разведки, сведения из которого подтверждались по его китайским каналам. Он сообщал, что Хидэки Тодзио, новый премьер-министр и военный министр, полагает будто Рузвельт и Корделл Хэлл никогда не уступят на переговорах. В качестве последней попытки достичь соглашения, а также по внутривластным причинам, Тодзио направил в Вашингтон на переговоры в помощь адмиралу Номуре бывшего японского посла в Берлине, женатого на американке Куруцу.

В любом случае, этот шаг был предпринят при наличии готовой альтернативы переговорам, и можно было с определенной степенью вероятности утверждать, что решение нанести удар по Америке было принято уже к середине Октября.

Гитлер к нашим докладам относился скептически, пока, наконец, в середине ноября, я, по его просьбе направил через Янке послание японской разведке, в которой говорилось, что Германия заинтересована в участии Японии в войне, независимо от его масштабов и района. Это послание появилось после того, как Гитлер решил: раз уж Япония определенно вступит в войну, неважно, где это произойдет.

Думаю, этот шаг повлиял на японскую политику, так как сразу же после получения послания, не дождавшись официальных гарантий, японцы завершили мобилизацию и, в конце ноября флот получил приказ отправиться в Южную часть Тихого океана для проведения десантных операций.

Гиммлер, как преданный слуга своего хозяина захотел тотчас же известить об этом фюрера. Однако он получил суровый выговор еще до того, как изложил полученные им сведения. Гитлер оборвал его, заорав: "Сейчас я ничего не хочу об этом слышать - я хочу сохранить полную свободу действий!"

Тотчас же последовал запрос из Токио, возьмет ли Германия на себя обязательство в случае войны Японии с англосаксами не заключать сепаратного мира. Гитлер велел министерству иностранных дел дать на столь откровенный вопрос утвердительный ответ.

7 декабря 1941 года Япония напала на Пирл-Харбор. На следующий день Гитлер объявил войну Соединенным Штатам Америки.

разведки - личная сеть Риббентропа - Способ ее дискредитировать - Враждебное отношение Риббентропа в СД - Его влияние на Гитлера.

Вспоминая свои обычные обязанности, которых становилось все больше, я взялся и за важную работу по организации взаимодействия с различными ведомствами. Самым важным из них было министерство иностранных дел. Когда я возглавлял контрразведку у меня наладились хорошие отношения с заместителем министра герром Лютером. Он стоял во главе германского департамента (отдела) и был доверенным лицом Риббентропа, который всегда интересовался его мнением, прежде, чем решить какой-либо важный личный или служебный вопрос. Причины такого тесного контакта были неизвестны.

Гейдрих велел мне поддерживать тесную связь с Лютером, считая ее лучшим путем к Риббентропу. По мнению Гейдриха Лютер был холодным, сдержанным, скорее остроумным, чем интеллигентным человеком, которого интересовала только власть. Однако Риббентроп абсолютно ему доверял. Возможно, Лютер был единственным, кто пользовался его доверием. Он был городским советником Целлендорфа, пригороде Берлина и оказался причастным к делу о растрате, но благодаря влиянию Риббентропа и Гимmlера его имя осталось незапятнанным. Лютер был очень сильно настроен против СС, Гейдрих и Гимmlер знали, что он все время возбуждает подозрительность шефа в отношении этой организации. Как они полагали, дело было в страхе перед тем, что СС слишком много о нем знает. Лютеру Риббентроп поручил полную реорганизацию внешнеполитического ведомства.

Гейдрих предостерег меня: "Вам трудно придется с Лютером. Будьте осторожны, он может использовать ваши слова против вас. Постоянно поддерживайте со мной связь, чтобы я мог вам помочь. В любом случае он, по-видимому, попытается использовать вас против меня. Вы же себя знаете. Вы стремитесь быть независимым в работе и мне бы не хотелось, чтобы вы попали в один из капканов Лютера."

Я установил связь с Лютером, занимаясь некоторыми вопросами контрразведки, такими как деятельность полицейских атташе и тому подобными. Совместная работа вызвала чувство доверия ко мне, которое я заботливо поддерживал, помогая разрешить конфликты, возникавшие в его отношениях с СС за границей. Я детально записывал все беседы с Лютером; эти записи шли к Гейдриху и от него к Гимmlеру.

Лютер совершенно не подходил к государственной службе. Когда лучше он чувствовал бы себя в коммерции. Он был энергичен, все схватывал на лету, обладал определенными организаторскими способностями. У него была красивая голова и чуть полноватое лицо. Лютер носил очки в массивной роговой оправе, прикрывавшие опухшие из-за воспаления носовых пазух глаза. Говорил он с легким берлинским акцентом. Требовалось немалое самообладание, чтобы не возмутиться его агрессивностью. Направление его мыслей быстро менялось, и он мог сказать или сделать все что угодно. Он руководствовался исключительно деловыми расчетами и, принимая это во внимание, с ним можно было иметь дело, хотя и не без трудностей.

Каково же было постоянным служащим работать с таким шефом? Он видел в их внимании к другим, осторожной аргументации и сомнениях проявление слабости и называл их окаменевшими ископаемыми. Он во многом превосходил всех своих коллег, чаще всего предпочитал ставить их перед свершившимся фактом. Он и в самом деле был "серым кардиналом" того времени, подобно барону Хольштейну в МИДе при Кайзере, однако едва ли был ровней ему как профессиональный дипломат. Зато он был холоднее и безжалостнее; такого опасного человека могла породить лишь тоталитарная система.

Мое сильное место состояло в том, что для Лютера я был мостиком, по которому он мог добраться до своих противников, Гимmlера и Гейдриха. Я некоторым образом обеспечивал ему защиту от их страшной организации, к которой, на самом деле он

испытывал слабость. В минуту откровенности он признался, что хотел бы быть членом СС. Однажды мне удалось отстоять его от нападок Гейдриха и Гимmlера. Я недвусмысленно объяснил ему, что наши отношения должны быть свододны от каких-либо личных моментов и надо отдать ему должное, он поддерживал многие мои служебные запросы и честно и искусно отставивал их перед Риббентропом. Поэтому благодаря ему мне удалось добиться того, чего я никогда бы не смог добиться через других чиновников ведомства Риббентропа.

Через несколько недель, я набросал проект соглашения с министерством иностранных дел, который по настоянию Лютера был в конце концов подписан Риббентропом. Он обеспечил за политической разведкой серьезные права.

Когда я вспоминаю об этих переговорах, я все еще удивляюсь почти фривольному отношению к подготовке Германии к величайшей в ее истории войне. По словам Лютера, не существовало никаких определенных договоренностей между министерством иностранных дел и военной разведкой.

Эти переговоры и заключенное в результате них письменное соглашение стали основой моего стабильного сотрудничества с МИДом.

Ценность такого сотрудничества определить было сложно. Временами оно было образцовым, временами оно не только расстраивалось, но и возникали серьезные конфликты. В большинстве случаев это было результатом личных ошибок Риббентропа. Его взгляды и распоряжения были для меня неприемлемыми, а его личное отношение непереносимо. В конце концов, я решил выяснить отношения с ним исходя не из личной вражды, а из того, что он превратил в своих врагов всех.

Чтобы продемонстрировать Риббентропу, насколько неправильны его представления о разведке, я сначала показал Лютеру, Гейдриху и Гимmlеру сведения - 70 процентов из них специально сфабрикованных - о польском эмигрантском правительстве в лондоне, которые были подготовлены мною. Я передал их заграничных агентов. Две недели спустя Риббентроп представил эти данные Гитлеру в качестве ценной информации. После этого Гитлер более часа откровенно беседовал с Риббентропом. Министр иностранных дел ничего не сообщил о результатах этой беседы, но двумя днями позже он, обедая с Гимmlером, рассказывал об общих трудностях руководства разведкой.

Наконец настал день, когда мне приказали лично доложить Риббентропу. Я подошел точно в назначенное время и был сразу же принят. Тогда его кабинет помещался в одном из крыльев бывшего президентского дворца, а само министерство располагалось на Вильгельмштрассе. Кабинет был выдержан точь-в-точь в том же стиле что и новая рейхсканцелярия. Комната с большим столом и большими окнами была заполнена пышными коврами, дорогими гобеленами, богато украшенными стульями с шелковой обивкой. Риббентроп, как обычно, стоял позади стола со скрещенными руками. Он принял меня на редкость официально; было видно, что он старался произвести впечатление. Он говорил медленно и веско, как будто принимал меня впервые. После нескольких слов он вышел из-за стола, торжественно протянул мне руку и предложил сесть. Затем он сам уселся напротив меня и сказал: "Пожалуйста, начинайте без предисловий. Я уже знаю, о чем вы пришли побеседовать."

В течение первого получаса его лицо оставалось неподвижным. Он внимательно слушал меня. Но стоило мне перейти к организации различных групп связи с другими министерствами, он резко оборвал меня: "Вы не собираетесь сами создавать разведывательные подразделения в других ведомствах?" Вопрос явно свидетельствовал о том, что он просто не понял о чем я говорил. Я начал снова и осторожно, не торопясь объяснил ему, что группы связи (liaison offices) необходимы и что, если он поразмышляет над проблемой, то поймет, как выиграют от них и министерство иностранных дел, и он лично. Абстрагируясь от вопросов контроля и распоряжения ими, контакты между этими группами, мною и другими ведомствами могут использоваться для решения вопросов,

представляющих для МИДа огромный интерес. Этими делами можно было бы заниматься на нейтральной почве, как тем, что представляет интерес только для разведки, а не для конфликтующих ведомств. Если разведка сможет работать в тесном взаимодействии с МИДом, в выигрыше будут обе организации. За такой договоренностью будет стоять рейсфюрер СС и для меня отпадет необходимость по каждому поводу консультироваться с Риббентропом. дабы устранить подразделения Риббентропа в том, что мой план маневром по проникновению СС в министерство иностранных дел, я предложил, чтобы глава разведки, кто-бы он ни был, вошел в штат МИДа.

Риббентроп смотрел на меня в совершенной растерянности. Он все еще не понимал чего я хочу, и чем больше я объяснял, тем меньше он понимал мои слова. Я дошел до того, что рассказал ему как мы умышленно подкинули ему ложные сведения. Я напомнил Риббентропу о беседе с фюрером, и, наконец, прямо заявил, что позиции разведки сейчас достаточно сильны, и он не сможет впредь нападать на нее. Если вы не за нас, то я должен сделать вывод, что вы против нас.

Здесь он заволновался и рассердился. Он не потерпит личных оскорблений, заявил Риббентроп. Он всегда стремился к разумному рабочему сотрудничеству, но сейчас вынужден считать, что мы отказываемся видеть в министерстве иностранных дел независимое учреждение. Я извинился и заявил, что, по-моему мнению, мы не вполне понимаем друг друга и, если он придает этому какое-либо значение, я готов изложить ему, мой план на бумаге. С презрительной гримасой он ответил: "Спасибо, я обойдусь и без этого."

Тогда я попытался разговорить его, сказав, что было бы, несомненно, очень интересно, познакомиться с его собственными представлениями об организации и методах работы разведки. Он сразу же успокоился и откинулся на спинку стула с дружелюбным жестом. Я понял, что неправильно повел беседу. Мне не следовало начинать с лекции, для начала попросить его поделиться своими взглядами. Без всякого умысла я задел его тщеславие.

Взгляды Риббентропа были совершенно иными. По его мнению, было достаточно располагать десятком-двумя отборных агентов за границей. Они должны были бы распоряжаться большими средствами и собирали бы информацию, главным образом, по собственному разумению. Регулярно получаемой от этих 10-20 человек информации было бы вполне достаточно. детали не играли большой роли в глобальных вопросах внешней политики; решающее значение имели определенные крупные вопросы, возникновение которых можно было бы предвидеть.

Он сказал, что очень доверяет мне лично - от этого заявления я чуть не упал со стула - и он готов сделать все необходимое и обезопасить меня. В любое время он готов взять меня в свою разведывательную службу. здесь, наряду с изучением глобальных проблем, я мог взяться за организацию разведывательной службы, о которой шла речь. Я еще раз объяснил ему: дело не в личностях, и его предложение меня не интересует но, я не могу согласиться с его мнением. Я полагал, что решающее значение для разведки имеют именно детали, и только с помощью методического научного анализа данных, поступающих от разведывательной сети, можно заложить реальную базу для политиков. Этого невозможно добиться с помощью случайной информации или усилий 10 или 20 человек, как бы они ни были талантливы.

Внезапно у Риббентропа появился усталый вид, и наш разговор закончился. Я обратил внимание, что его лицо перекошилось. Несколько дней спустя я рассказал об этом доктору де Кринишу, которого прежде не раз приглашали к Риббентропу для консультаций. По его мнению, у того было серьезное функциональное поручение, скорее всего связанное с заболеванием почек. Одна почка уже была удалена и, по всей вероятности, пострадала гормональная система. Мы коротко и официально попрощались. Я лишился всех иллюзий. Я понял, что не смогу согласиться с таким человеком ни по одному вопросу. Он никогда не проявит признаков понимания нужд, да и самой необходимости существования развед-

ки.

Для меня было непонятно, что же Гитлер нашел в Риббентропе. Видимо, как и все его окружение, Риббентроп с бюрократической педантичностью воспринимал директивы и четко их выполнял. Поэтому проводимый им внешнеполитический курс превратился в довесок борьбы за власть. Казалось, его поведение определяется внутренним чувством собственной неполноценности – хотя в какой степени это была изначальная черта его психического склада, а в какой степени она в нем развилась и почему, я так и не узнал. Это обстоятельство может многое объяснить в его представлениях и поступках. К примеру, как еще объяснить его ненависть к Великобритании? Как еще объяснить его властность и болтливость?

Его тщеславие и узость кругозора просто шокировали меня. Они ясно показали причины ограниченности нашей внешней политики и глупость ее принципов. И он, и Гитлер, сами по себе, были, очевидно готовы на все, вплоть до того, чтобы в случае необходимости безжалостно принести в жертву германский народ. Во время своей первой беседы с Риббентропом я не вполне отчетливо это понимал, хотя основа для внешней политики такого типа, вероятно, уже была заложена. Но я инстинктивно чувствовал нечто подобное, и мы оба – и он, и я – понимали, что принадлежим к разным мирам.

С другой стороны, он не забыл обо мне. Как я слышал от людей из его окружения, он вновь и вновь интересовался деталями моей карьеры и иногда что-нибудь рассказывал с целью подтвердить, что "фюрер прав, – Шелленберг – декадент-законник, и однажды нам придется им заняться." Он даже дал Лютеру указание подобно сообщать о нашем сотрудничестве и особое внимание обратить не допускаю ли я каких-либо критических замечаний и относительно него самого или внешнеполитического курса. Нельзя понять,???? в 1939 г. Гитлер считал возможным сказать, будто Риббентроп был величайшим руководителем внешней политики Германии со времен Бисмарка

25 Япония и Китай

Гитлер беседует с Чандрой Бозе – Надежды японцев на мир между Германией и Россией – странный визит к Герингу – Риббентроп расстраивает японские планы – Китайская разведка предлагает сотрудничество – Предложение отклонено – Тревожная информация о Янке – Требования Японии к Китаю – Двусмысленный ответ – Япония прерывает переговоры.

Однажды в марте 1942 года Янке зашел ко мне после возвращения из Швейцарии.

С.Чандра Бозе, один из лидеров индийского национального движения пользовавшийся в настоящий момент большим влиянием у себя на Родине, находился в Берлине. Японцы старались втереться к нему в доверие, поэтому я поинтересовался мнением Янке о сложившейся ситуации. До сих пор, главным образом по инициативе Гитлера, дальневосточный сектор (office) АМТ VI основывался в своей информации об Индии преимущественно на данных от Сиди Хана, лидера небольшой фракции индийского освободительного движения. Однако между Бозе и находившимся в Риме Сиди Ханом шла бескомпромиссная борьба.

Незаурядный интеллект Бозе, умение использовать современные методы пропаганды произвели сильное впечатление на Гимmlера, и мы подумывали, не переориентировать ли нашу помощь на него. Одной из любимых идей Бозе было формирование в составе германской армии индийского легиона. Гитлер в принципе на это согласился, и мы устроили его встречу с Бозе. Однако последний был глубоко разочарован: Гитлер указал, что в данное время его не особенно интересует Индия, и он предпочитал бы, чтобы за политической и стратегической ситуацией здесь наблюдала Япония. Но если удача будет на стороне Германии и, удастся захватить южную часть России и Кавказ, и германские войска достигнут Персии, тогда и только тогда – он будет готов обсудить с

Бозе будущее Индии.

Как только я назвал Янке имя Бозе, он сразу же стал меня предостерегать.

По его сведениям, Бозе долго жил и учился в Москве и имел прочные связи с Коминформом. Время от времени я и сам сталкивался в своих разговорах с Бозе со следами влияния его московских учителей: он ставил вопросы и искал на них ответы, следуя правилам диалектики.

По просьбе японцев в 1943 г. Бозе на немецкой подводной лодке доставили в Японию. После его отъезда я сообщил японцам о своих подозрениях, однако они утверждали, что смогут использовать человека его калибра в своих интересах.

С Бозе наш разговор перешел на дела отдела. Янке посоветовал мне отказаться от попыток проникновения в тыл противника через линию фронта и разведывательной деятельности в прифронтовых районах. Их следовало оставить в сфере действия армии и вместо этого попытаться как можно глубже проникнуть в русский тыл, чтобы добыть куда более ценные сведения. Я ответил, что это потребует большого числа скоростных транспортных самолетов для заброски агентов – парашютистов или для высадки их в пустынной местности, тогда как Людтваффе выделяло нам слишком мало машин. Здесь Янке сменил объект разговора. Мы было перешли к обсуждению отношений между Японией и Россией, когда он внезапно взорвался: "Здесь слишком беспокожно. Почему бы вам не прикрыть эту лавочку, не поехать на недельку поразмяться?"

Идея мне понравилась, и я отправился в поместье Янке на равнинном померанском побережье. Кругом были удивительные леса и озера, полные рыбы. Превосходно закусив, мы сидели до позднего вечера за бутылкой доброго вина, обсуждая проблемы, связанные с нашей работой. Янке приглашал меня на этот уик-энд не только из-за заботы о моем здоровье, но и из стремления объяснить максимальную конфиденциальность при обсуждении информации, полученной с Востока.

Янке узнал о намерениях японцев предпринять попытку добиться компромиссного мирного урегулирования между Германией и Россией. Японский кабинет получил обширную разведывательную информацию о реальных масштабах русского военного потенциала. Стало ясно, что в ближайшем будущем русская армия будет достаточно сильна, чтобы не только остановить германское наступление, но и потеснить нас по всему фронту. К зиме 1942–1943 г. русская промышленность произведет огромное количество вооружений. Усилится партизанская война в тылу, связывая значительную часть германских войск и подрывая растянутые коммуникации.

Японцы боялись, что в конце концов, Германия растратит все силы в безнадежной кампании. Из-за колебаний запада по поводу оказания активной поддержки России добиться мира со Сталиным было вполне возможно. По сведениям Янке, японские руководители единодушно разделяли эту точку зрения, и поэтому с их стороны зондаж намерений Германии был вполне вероятен.

Мы долго говорили об этом. Янке считал, что главным противником такого урегулирования будет Риббентроп, узколобость которого не позволит ему оценить ситуацию. Гиммлер находился под слишком сильным влиянием Гитлера и не мог действовать независимо, к тому же он не отличался большим умом. Геринг уже не был важной персоной; его звезда закатилась после провала воздушного наступления на Великобританию. С тех пор, казалось, Геринг утратил всякий интерес к событиям на фронтах. Одни относили это на счет его растущего пристрастия к морфию, другие – его переходящего в паталогию безволия в условиях роскоши.

Как раз в это время Гиммлер направил меня с докладом к Герингу в его роскошный загородный дом на Севере от Берлина. Он носил название Карин-халле в честь первой жены Геринга. Поездка была вызвана предполагавшимся объединением "Исследовательского отдела Геринга" с VI отделом. Исследовательский отдел был создан Герингом с помощью флотских специалистов для контроля над телефонной и радио связью, в том числе с помощью прослушивания телефонных разговоров и радиопередач. Можно было

записать любой телефонный разговор в пределах Германии и оккупированных его территорий в Европе. Часто эти записи приносили массу ценной информации. Прослушивались и записывались и переговоры Гитлера, причем записи последних в случае необходимости передавались в соответствующие ведомства для сведения или руководство к действию. Однажды названная Гитлером цифра, характеризующая производство вооружений в Германии, наделала много шума, потому что Гитлер сам был неправильно информирован.

Прибыв в "Каринхалле", я вынужден был некоторое время прждать в приемной. Это было большое, покрытое коврами помещение, потемневшие дубовые балки и тяжеловесная старомодная мебель напоминали старую церковь. После получасового ожидания одна из двустворчатых дверей открылась и вошел рейхсмаршал с жезлом в руках, одетый как знатный римлянин в тогу, сандалии и так далее. На мгновение мне показалось, что передо мной стоит император Нерон.

Геринг дружелюбно улыбнулся и предложил мне пройти в соседнюю комнату. Он усадил меня в огромное кресло, а сам уселся за малютким столиком, на котором стояла хрустальная чаша, наполненная жемчужинами и старинными драгоценностями. Пока я говорил, он перебирал пальцами драгоценные камни, словно находился в трансе. Когда я закончил, он промолвил: "Хорошо, я переговорю об этом с Гиммлером."

Через неделю Гиммлеру все еще ничего сказано не было, и он сильно рассердился. Рассердился он на меня, а потом на Геринга, "этого короля черных рынков", как он его стал называть (к концу 1943 г. Геринг потерял всякий авторитет и уважение к себе).

Поэтому даже в 1942 г. единственным человеком, кто мог проявить интерес к компромиссному миру был Гейдрих. Янке считал его одним из самых выдающихся умов среди руководителей рейха. Однако Гейдрих был слишком занят Протекторатом, и вызывало сомнения, сможет ли он в одиночку решительно повлиять на Гитлера. Янке настойчиво предостерегал меня от того, чтобы сообщить о предложении японцев Борману. Борман был неизвестной величиной и опасен в качестве доверенного лица. Гейдрих же заинтересовался идеей и даже осторожно сообщил о ней Гитлеру, но никакого серьезного результата не добился.

Четыре недели спустя в апреле 1942 г. Риббентроп доложил Гитлеру о попытках японцев вступить в контакт через германского военно-морского атташе в Токио. Гейдрих предупредил меня по телевизору, что у Гитлера может даже появиться желание поговорить с Янке, которого он знал лично. Но в конце мая Гейдрих передал, что, в конце концов, Риббентроп победил, и военно-морской атташе официально отклонил предложения японцев.

Янке настаивал на том, чтобы попытаться заручиться поддержкой Гиммлера, который мог бы повлиять на фюрера. Если бы Гитлер в действительности был великим государственным деятелем, он мог бы понять абсолютную необходимость мира с Россией, будучи уверенным, что это не нанесет никакого ущерба его престижу.

Японцы своих усилий не прекратили, и в июне 1942 года предприняли новую попытку. На этот раз генеральный штаб японской армии вступил в контакт с германским военно-морским атташе в Токио и предложил направить в Германию на немецком самолете с большим радиусом полета группу японцев во главе с армейским генералом для того, чтобы обсудить вопросы координации политических и военных акций. К несчастью, они дали понять, что будет обсуждаться и проблема компромиссного мира с Россией. Риббентропу удалось весьма удачно торпедировать этот проект. Армейское начальство Японии действовало независимо от правительства. Риббентроп это заподозрил и намеренно проинформировал японского посла. Эта история привела к трениям между правительством и генштабом.

Японская армия увидела в таком поведении германского министра иностранных дел официальный отказ и с негодованием отозвала свое предложение.

После нашего поражения под Сталинградом японцы вновь зая-

вили о готовности немедленно выступить в роли посредников – на этот раз идея была высказана чпонским министром иностранных дел Сигимицу. Гитлер с его ограниченностью и упрямством наотрез отверг это предложение.

Позднее, в 1944 г., я имел длительный разговор с контрадмиралом Койима (Kojima). Он командовал линейным крейсером при нападении на Сингапур, за исключительную храбрость был награжден и получил повышение по службе. Койима рассказал мне, что в 1943 г. прибыл в Германию на подводной лодке со специальным заданием изучить ситуацию и убедить фюрера начать мирные переговоры с Россией. Предложение было напрочь отвергнуто. Конечно, когда я беседовал с ним в конце 1944 г., возможность для такого мирного соглашения уже миновала.

Второй проблемой, которую я обсуждал с Янке во время уик-энда, было его сотрудничество с китайской разведкой. Центры китайской разведывательной сети находились в то время в Берне, Виши, Лондоне, Стокгольме и Москве. Янке в основном контактировал с Берном и Виши. Янке, был очень близко знаком с неким китайским диплоамтом и крупным разведчиком. Он сообщил Янке, что влиятельные лица из окружения генералиссимуса Чан Кай-ши надеялись на наличие в Германии людей, симпатизирующих Китаю и способных оказать влияние на германских лидеров, чтобы те по содействовали заключению компромиссного мира между Японией и Китаем. Сложилась любопытная ситуация: с одной стороны, Япония, поглощенная борьбой с Америкой, пыталась сыграть роль миротворца в отношениях между Россией и Германией; с другой стороны – китайцы пытались убедить Германию сыграть роль миротворца в отношениях между Китаем и Японией. Китайцы не хотели обсуждать детали: первоначально они стремились выяснить, отнесутся ли японцы к этой идее благожелательно.

Таков был политический аспект проблемы. Но в ней имелась и сторона, которая касалось спецслужб.

В обмен на посредничество китайцы предлагали сотрудничество с нашей разведкой. Разумеется, это было очень важное предложение и оно интересовало меня не меньше, чем чисто политические вопросы. Я знал, что китайская разведка обладает большими возможностями: она – и это стоило помнить – имела свободный доступ как на Даунинг-стрит, так и в Кремль.

Мы с Янке детально обсудили китайское предложение. Я опасался – и Янке был согласен со мной – что отклонение японского предложения о посредничестве (а его скорее всего бы отклонили) сделает чрезвычайно сложным осуществление китайского плана. Я заверил Янке в своей поддержке и составил подробный меморандум, который Гейдрих передал Гиммлеру. Две недели Гейдрих и Гиммлер выбирали наиболее подходящий способ сообщить обо всем Гитлеру. С самого начала они решили совершенно изолировать Риббентропа. Гиммлер сам доложил о сложившейся ситуации Гитлеру, который уделил обоим вопросам серьезное внимание, хотя первоначально с гневом отверг японское предложение.

Китайское предложение он нашел очень интересным. Он не сомневался в искренности Чан Кай-ши, но не был уверен в том, как прореагируют японцы. Он указывал, что все зависит от практических предложений и выставляющих условий. Однако Гитлер, на самом деле проявил серьезный интерес и велел мне через Гейдриха подготовить доклад о масштабах вовлеченности Японии в боевые действия в Китае. Гиммлер получил разрешение на самостоятельную разработку предложений китайцев, ибо он резонно указал Гитлеру, что на нынешней стадии вопрос касался прежде всего секретных служб и должен таковым оставаться. Таким образом Гиммлеру удалось вывести Риббентропа из игры.

Как бы то ни было, восемь дней спустя Гитлер переменял свое решение. Оба предложения должны были рассматриваться одновременно. И в том, и в другом случае главная роль отводилась бы разведке. Но Гитлер не хотел держать в неведении Риббентропа; с ним следовало установить контакт. Он уже попросил Риббентропа обсудить китайские предложения со своим большим другом, японским послом в Берлине Ошимой (Oshima).

Тем временем японцы заявили о готовности вступить в пере-

говору с Китаем, но как и ожидалось, они потребовали конкретных предложений.

Из-за этого Янке вновь отправился в Швейцарию. Создавалось впечатление, что делал это он очень неохотно, не желая вообще казаться участником этого дела. Поэтому он ехал в Швейцарию под видом представителя большой аргентинской фирмы по торговле зерном. Пока он находился в Швейцарии, я получил потрясающее разведывательное донесение. Удививший меня документ. На тридцати страницах были тщательно подобраны доказательства того, что Янке являлся высокопоставленным британским агентом, и действительной целью его поездки в Швейцарию было получить новые инструкции.

Я сразу же распорядился об организации тщательного наблюдения за Янке и о строгом контроле над всеми его перемещениями по Швейцарии. Однако ничего из ряда вон выходящего обнаружить не удалось, да и последующая его работа в разведке не свидетельствовала ни о чем подозрительном. В то время я не стал передавать донесение моему начальству, решив, что даже если оно справедливо, я буду продолжать сотрудничать с Янке. В конце концов, я отдал донесение самому Янке; пока он читал его, я внимательно изучал его реакцию и выражение лица. Я настолько хорошо его знал, что малейший признак его вины, едва ли бы от меня ускользнул. Но поведение Янке было абсолютно естественным. Трудно объяснить это лишь исключительно сильными нервами.

Янке поблагодарил меня, как мне показалось, весьма загадочным образом: "В конце концов, человек на вашем посту - это всего лишь человек. Никто не знает, что таится в душе другого. В вашем положении вы сталкиваетесь с проблемами, которые можете решить только вы. Вся ваша жизнь приучала вас быть подозрительным, ноя думаю, вы способны эту привычку преодолеть. Все решает характер человека, и в этом отношении вы можете довериться своей интуиции."

Он вернулся из Швейцарии на редкость быстро, видимо, разочарованный исходом своей поездки. Китайцы требовали полного вывода всех японских войск и освобождения всех китайских портов. Предлагалось предоставить японцам определенные права пользования портами, устанавливаемые по взаимному согласию. Я решил, что эти требования заходят слишком далеко. Как мне казалось, даже в качестве чисто тактического шага, китайцы брали на себя слишком много, и мы существенно умили их требования.

Переговоры между Риббентропом и японцами не дали нужного результата. Янке требовал быстрых действий, и я старался поторопить Гимmlера и Риббентропа. Наконец, в июне 1942 г. японцы передали нам вопросы, которые они хотели прояснить. На многие из них от имени китайцев смог очень быстро ответить Янке, на остальные ответил сам Чан Кай-ши. Постольку, поскольку было слишком сложно вести переговоры по таким вопросам по радио, было решено направить специального эмиссара. До середины сентября мне удавалось поддерживать заинтересованность японцев, главным образом, повторяя старые аргументы. Тем временем китайцы передавали послания, не содержавшие информации о запрашиваемых деталях. Янке был уверен, что китайский посланец с разъяснениями этих деталей и новыми полномочиями уже находился в пути.

Но в сентябре 1942 г., несмотря на все наши попытки выиграть побольше времени, японцы внезапно объявили, что их более эта история не интересует. Все наши попытки поддержать диалог не дали результата. Дверь захлопнулась. Я не знал о причинах такого решения, но, в конечном итоге, пришел к заключению, что в дело вмешался Генеральный штаб, решивший в этот момент начать наступление, которое должно было связать район Ханькоу с Индокитаем. Это наступление началось еще до конца года.

26. Операция "Цеппелин"

Претензии к службам СД - Ее функции и задачи - Подготовка русских военнопленных для работы на Германию - Теория парти-

занской войны - споры с русскими пленными - Планы диверсий на предприятиях тяжелой промышленности - "Армия" полковника Власова - "Дружина" - Институт Ванзее - Доклад о положении России - Гиммлер критикует мой отдел.

Несмотря на впечатляющие успехи наших войск на восточном фронте, к лету 1942 г. для людей осведомленных стало очевидно, что наше положение осложняется. Во-первых мы были сильно удивлены боеспособностью и еще более - количеством русских войск. Во вторых, сопротивление в германском тылу, ранее выразившееся в периодических акциях отдельных подразделений, переросло в хорошо организованную партизанскую войну, связывавшую силы безопасности, которые были нужны повсюду.

Гиммлер и Гейдрих давили на меня, требуя боевых разведывательных, ибо получаемого материала не хватало. По их мнению, мы не имели точной информации ни о политической ситуации, ни о военном производстве. Усиление активности партизан и серьезные нарушения коммуникаций свидетельствовали лишь о нашей неспособности нанести ответный удар, на что очень настойчиво обращали внимание фюрера.

Состоялось несколько довольно резких разговоров с Гейдрихом, а позднее - с Гиммлером относительно того, что объем и результаты работы разведки не отвечают требованиям ситуации на фронтах.

Особенно Гиммлера интересовало, почему наши разведдонесения о Советском Союзе настолько неточны. Он снова напомнил мне слова фюрера: "Мы должны покончить с русскими прежде, чем в дело вступят другие." Я сказал ему, что причина неадекватности информации - в недостаточной материальной и кадровой поддержке. Если офицеры по кадрам утверждали, будто передали мне сотни людей, это было недостаточно. Сама по себе численность значила не слишком много, перед нами стояла задача подготовки огромного количества иностранцев, лингвистов и других специалистов, к тому же мы испытывали серьезный недостаток технического оснащения. Что же другое могло из этого выйти? Достаточной подготовки к войне не велось, да и нельзя было мгновенно ликвидировать отставание, складывавшееся годами. Наша информационная сеть с центрами в Швеции, Финляндии, на Балканах и в Турции действовала на полную мощность, однако достаточно четкой картины, пригодной для долгосрочного планирования, нам не давали.

Меня просили обратить особое внимание на разведку непосредственно во фронтовой полосе, при этом, однако, не отдавалось отчета, с какими трудностями сталкивалась такая деятельность. Наши сотрудники, ни в количественном отношении ни с точки зрения их подготовки не отвечали предъявлявшимся требованиям, к тому же постепенному и неклонному развертыванию нашей работы мешали торопливые и противоречивые команды сверху. С другой стороны, нам приходилось считаться с тщательной и неусыпной контрразведывательной деятельностью русской тайной полиции.

Разведывательную работу против России курировали три сектора. В задачу первого сектора входил сбор и, координация информации, поставляемой нашими постоянными агентами в разных странах. Мы стремились собрать как можно больше информации, и секретной и открытой. Источниками открытой информации были газеты, официальная статистика, книги и другие публикации. Такого рода сведения, как правило, были необходимы в целях долгосрочного анализа, и от работавших с ними требовался высокий уровень интеллекта. Они должны были принадлежать к разным национальностям, поэтому приходилось их использовать, невзирая на их расовую, религиозную и т.п. принадлежность. Для осуществления этой работы во всех столицах Европы были организованы информационные центры наподобие Берлинского.

Через один из таких центров, о существовании которого было известно только третьим сотрудникам в Берлине, мы имели прямую связь с двумя офицерами генерального штаба маршала Рокоссовского. Любопытно, что оба выражали сомнение в лояльности

последнего к Сталину. Предполагалось, что сам Рокоссовский, бывший офицер царской армии, провел несколько лет в Сибири.

Позднее, когда мне подчинили военный сектор адмирала Канариса, появился и еще один важный центр. Во главе его стоял немецкий еврей, который работал уникальным образом. Штат центра состоял из двух человек, все здесь было механизировано. Информационная сеть охватывала разные страны и проникала во все слои общества. Он своевременно получал точные донесения из высшего командования русской армии, особое значение которым придавал аналитический отдел нашего армейского главнокомандования. Этот человек действительно работал мастерски. Он мог добывать и развернутые стратегические планы, и детали о передвижении войск вплоть до дивизионного уровня; его донесения обычно на 2-3 недели опережали события, так что наше руководство было в состоянии предпринять контрмеры, или я должен уточнить - могло предпринять, если бы Гитлер обращал на такую информацию побольше внимания. Я должен был биться как лев, чтобы защитить такого ценного специалиста от Мюллера и спасти его от интриганов из моего отдела и Люфтваффе. За Кальтенбруннером и Мюллером стояли люди, решившие избавиться от "еврея". В качестве предлога использовалось не только его еврейское происхождение, но и самые вероломные утверждения, будто он участвует в широкомасштабной акции по дезинформации, осуществляемой русской разведкой. Предполагалось, что длительное время нас нарочно снабжали достоверными сведениями, чтобы сбить с толку в решающий момент подсунув ложную информацию.

Второй сектор отвечал за операцию "Цеппелин". Ее главной целью была заброска в советский тыл крупных формирований из русских пленных. Они получили статус германских военнослужащих, униформу вермахта, их отлично кормили, предоставляли чистое жилье, демонстрировали пропагандистские фильмы и давали возможность путешествовать по Германии. Тем временем, ответственные за их подготовку с помощью информаторов могли выяснить их действительное настроение: хотели ли они всего лишь попользоваться предоставленными преимуществами, стали ли они противниками сталинистской системы; или же разрываемые внутренним конфликтом, колебались между двумя идеологиями - нацизмом и сталинизмом.

Получив необходимую подготовку и снаряжение, они должны были последовать на Восточный фронт и использоваться для сбора информации и проникновения в русские, партизанские отряды - главной задачей операции "Цеппелин" была борьба с партизанами. Учитывая, что предстояло действовать на огромных территориях, и неизбежны большие потери, готовились также специальные группы для особых разведывательных миссий, в том числе для установления контактов с германскими эмигрантами в России.

Для осуществления этого плана было создано три подразделения, "Юг", "Центральное", "Север". Эти подразделения, которые должны были заниматься саботажем, подрывной деятельностью и сбором информации, предстояло перебрасывать через линию фронта на всем его протяжении специальной эскадрилей Люфтваффе. Главными средствами связи должны были служить системы курьеров и тайная радиосвязь.

Большинство агентов забрасывалось в районы, где они могли воспользоваться помощью друзей. Некоторых из них снабдили велосипедами, элементами питания и радиопередатчиками с педальным механизмом: постоянно крутя педали, можно было объяснить скрытую и беспрепятственную радиопередачу. Одному из агентов удалось даже с русским воинским эшеленом добраться до Владивостока. Он добыл и сообщил нам подробные сведения о перемещениях войск.

Огромные размеры русской территории давали возможность нашим агентам беспрепятственно перемещаться, иногда в течение нескольких месяцев, но в конце концов, большинство из них было схвачено НКВД.

Чтобы выследить наших агентов НКВД могло задействовать целую дивизию или партизанский отряд.

Операция "Цеппелин" успешно развивалась, но все мои сето-

вания по поводу встречавшихся трудностей наталкивались на стереотипный ответ: "Все это очень хорошо, но ваше задание остается неизменным - снабжать информацией фюрера." На явный недостаток подготовки, квалифицированных кадров и специального снаряжения не обращалось никакого внимания.

Гитлер хотел иметь точные сведения об организации русских партизанских отрядов, их структуре и командовании, детально знать их задачи. Я сделал эту проблему приоритетной и намеревался дать специальные задания в ходе намечавшейся командировки в Швецию и Норвегию.

Я выдвинул несколько соображений о партизанской войне, которые первоначально изложил Гейдриху, а затем и Гиммлеру: всякая партизанская война, всякое активно действующее и набирающее силу движение сопротивления условием своего развития имеет наличие идеи или идеала, которые объединяют его участников. Эта идея должна быть достаточно сильна, чтобы возбуждать их энергию и решимость. Разумеется, в продолжающейся партизанской войне необходим и высокий уровень командования, но именно боевой дух каждого участника является решающей силой. Я обсуждал эту проблему в долгих ночных спорах с русскими офицерами и русскими сотрудниками института Ванзее. Для меня стало ясно, что Сталин и другие русские лидеры способствовали развитию такой формы партизанской войны, в ходе которой партизанские отряды действовали с характерной для обеих сторон жестокостью.

Русские использовали жестокость немецких войск как обоснование для своих действий. так называемый "Комиссар-бефель" (приказ расстреливать всех комиссаров) пропагандистские рассуждения о том, что русские - недочеловеки, массовые расстрелы, проводимые "ейнзатцгруппами", специальными силами безопасности, взаимодействовавшими с армией позади зоны боевых действий - все это психологически способствовало подъему духа нестибаемого сопротивления среди партизан. Мои русские собеседники полагали, что, на самом деле, Сталину выгодны эти действия, и, по моему мнению, наши заявления о законности таких акций подтверждали эту идею. Как считал один из них, важнейшей целью партизанской войны было вызвать жестокие действия, и все, что обеспечивало бы поддержку ее населением, было оправдано. Совершенные жестокости должны были приписываться германским завоевателям - это заставляло бы колеблющихся перейти к активному сопротивлению. Если бы, исходя из интересов русских, надлежало показать ненадежных, это следовало осуществить так, чтобы создать впечатление, что показывают немцы. В таком случае оставшаяся часть населения проявила бы большую готовность поддержать партизанские действия.

В другом докладе приводились специальные директивы НКВД о формах содействия партизанским отрядам. НКВД должен был засылать в германскую армию и правительственные учреждения наиболее надежных агентов, которые действовали бы в качестве советников и информаторов. Их задачи, кроме поддержания тесного контакта с партизанами - сообщения достоверных или ложных сведений, состояла в том, чтобы убедить германские оккупационные власти в необходимости жестких мер против отдельных групп населения, в частности, евреев и кулаков. Разумеется, казни, ликвидация и депортации должны были истолковываться как сознательные проявления жестокости немцев против русского народа. Это была поистине дьявольская программа, которой по-видимому, следовали русские руководители, и по своим последствиям она была не менее ужасной, чем меры, предпринимаемые немцами.

Гиммлер и Гейдрих не верили в то, что русское руководство имело время и достаточные способности для разработки столь сложных идей.

Я объяснил им, что мои взгляды основываются на информации, полученной из донесений и профессиональных оценок моих советников. Более того, добавлял я, русские лидеры лучше, чем мы, знают свой народ и не обманывают себя пропагандистскими рассуждениями о русском "недочеловеке". За это я получил серьезную взбучку и некоторое время должен был держать язык за зу-

бами.

Позднее я снова вернулся к этому вопросу, но на сей раз вел себя очень осторожно. Я сделал вывод, что следовало бы предложить работающим на нас русским пленным привлекательный идеал, ради которого стоило бы рисковать жизнью. Национал-социализм для этого не годился; его идеалы были чуждыми для них. Скорее всего, их могла увлечь надежда на будущую автономию. Но такая идея никого из моих начальников не заинтересовала. Они продолжали старую линию: одеть русских в германскую форму и предоставить им более подходящие условия. Они награждали русских медалями, рассказывали им о высоком жизненном уровне в Германии и эффективной организации германского государства. В некоторых случаях это давало результаты, но для большинства требовалось нечто больше подходившее русскому характеру, способное удовлетворить вечное стремление к независимости. Позднее я мог говорить об этом с Гиммлером более откровенно. К концу 1942 г. он стал более восприимчив к моим идеям, но я едва ли мог надеяться на его окончательное "да" из-за укоренившихся в Гиммлере предрассудков относительно Востока. На него слишком сильное влияние оказали идеи, которые Гитлер вбивал в него последние 20 лет. Обсуждать этот вопрос с Гейдрихом я прекратил довольно рано. Он весьма откровенно продемонстрировал мне свои мысли, когда заявил "смотрите не получите однажды медаль от Сталина". Это было ясное предупреждение о том, что в пропагандистской работе с русскими пленными он желал пользоваться национал-социалистическими концепциями в чистом виде.

У меня состоялось несколько интересных бесед с двумя русскими военными. Один из них был офицером генерального штаба, другой - ефрейтором. Оба были москвичами, один - профессиональным военным, другой - инженером-гидравликом. Их взяли в плен в августе 1941 года в Брянске, и они прошли несколько этапов нашей подготовки. Оба, как оказалось, обладали широким кругозором, были людьми интеллигентными и надежными. Их зачислили в группу советников по осуществлению операции "Цепелин" в Берлине и предоставили жилье как обычным гражданским лицам. Я навел их в сопровождении руководителя сектора (section), балтийского немца с хорошим образованием, который был превосходным переводчиком и уже много раз беседовал с ними. С его помощью у нас состоялся живой интересный разговор, облегченный принесенным нами спиртным.

Русские сильно отличались друг от друга. Офицер был опытным спорщиком и убежденным сталинистом. На второго режим повлиял весьма умеренно и он смотрел на его недостатки со здравым реализмом. Оба были твердо убеждены в победе России в войне. Это убеждение не было результатом пропаганды. Его источник был значительно глубже. В своем мнении они исходили из различных посылок. Офицер исходил из величайших качеств Сталина как лидера и мощи русской армии. Другой наш собеседник, мысливший более примитивными категориями, просто сказал: "Вам, немцам никогда не удастся покорить русский народ и огромные пространства России. Даже если вам удастся предоставить народам независимость, это будет лишь временным шагом на пути к неизбежному распространению коммунизма". Он также сказал, что в России поднялась волна патриотизма, такие пьесы, как "Кутузов", "Жизнь за царя" и "Князь Игорь" с успехом были возобновлены в Москве. В каждой из них завоеватель после первых больших успехов терпел поражение благодаря удивительной храбрости русского народа и огромным пространствам страны.

Офицер рассказывал о разговорах руководителей Красной армии, свидетелем которых он был. Из них следовало, что Сталин был готов пожертвовать 20-30 миллионами людей, чтобы поглубже заманить противника. Это со временем ослабило бы немецкий удар, и главные сражения произошли бы там, где их решили бы дать русские, в условиях суровой зимы. Одни лишь растянутые коммуникации съели бы значительную часть германских ресурсов и были бы весьма уязвимы для нападений партизан. При отступлении русские не оставили бы врвгу ни одной машины, ни одного заво-

да, ни одной бочки бензина. В конце концов, под давлением сил природы, под грузом собственных успехов и контрмер русских, немцы были бы разгромлены в результате нового хорошо организованного контрнаступления.

После этого разговора я глубоко задумался. На меня сильное впечатление произвела прямота, с которой оба моих собеседника отстаивали свои взгляды, казавшиеся (я должен был это признать) вполне разумными.

Я доложил о своем разговоре Гейдриху, добавив, что, разумеется, трудно было понять их логику. Наши военные успехи были настолько велики, что я не представлял себе, как русское государство и его народы смогут осуществить необходимую реорганизацию. Конечно, имелись определенные сомнения, располагал ли Сталин военно-экономическим потенциалом, достаточным для реализации указанного плана. Впрочем не следовало забывать о том, что люфтваффе еще не наносило ударов по промышленным районам на западе и востоке Урала.

Гейдрих обсудил проблему с Гиммлером и попросил меня подготовить доклад для Гитлера в письменном виде. Три недели спустя Гейдрих вернул мой доклад со словами, что фюрер считал его абсолютной чушью. Я осторожно ответил: "Я не вполне с этим согласен", но добавил, что в настоящий момент мы не станем рисковать.

Если бы мы располагали достаточным количеством самолетов, то могли бы нанести существенный урон промышленным предприятиям русских. Мы завершили предварительную подготовку к таким действиям и провели испытания снаряда "Фау-1", который доставлялся в район цели бомбардировщиком с большим радиусом действия и направлялся на цель "пилотом-самоубийцей". Многие пилоты уже ожидали таких заданий. Они должны были атаковать индустриальные комплексы в районах Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска и Донбасса.

Эти нервные центры советской экономики были выбраны с помощью опытных специалистов, внимательно проанализировавших значение контрудара завода исходя из производимой продукции и места расположения. Объектами атак главным образом, должны были стать крупнейшие электростанции, подстанции и домны. Однако люфтваффе не обладало достаточной мощностью, для реализации столь хорошо продуманного плана. Мы могли организовать лишь отдельные налеты на высоковольтные подстанции и наиболее важные линии электропередач (electric pylons) и т.п. Разумеется, это были всего-навсего булаовчные уколы, и их роль сводилась к тому, чтобы сковывать некоторую часть сил безопасности НКВД. Однако все эти акции никоим образом не влияли на мощь русских армий. В соответствии с другими планами предполагалось забросить в русский тыл, поблизости от не некоторых крупных и наиболее удаленных трудовых лагерей, специально подготовленные русские батальоны, под командой эсэсовцев из балтийских немцев. Им предстояло уничтожить охрану и освободить заключенных, которых в некоторых случаях насчитывалось 20 и более тысяч, а также помочь им добраться до заселенных районов. Таким образом русские, лишились бы определенной части рабочей силы, вдобавок такие действия имели бы существенный пропагандистский эффект. Подготовка к одной из таких акций зашла достаточно далеко: был установлен контакт с заключенными одного из лагерей. Однако Люфтваффе вновь подвело нас. Конечно, авиация хотела нам помочь, но этому препятствовало отсутствие необходимых материалов и задержка в реализации авиастроительной программы. Позднее мы использовали людей, которые были специально подготовлены для действий в тылу противника, где они могли организовать возвращение солдат, получивших серьезные ранения и даже небольших подразделений, попавших в окружение.

Ценную психологическую поддержку нам тайком оказывала так называемая "власовская армия", начертавшая на своем знамени "Освободим Россию от советского режима". Между нами и дезертиром из русской армии генералом Власовым и его штабом существовало соглашение, по которому ему было представлено право создать собственную разведку, при условии, что добытая информация

будет доступна и мне. Такая форма сотрудничества меня абсолютно устраивала. Естественно, наши русские коллеги теперь работали с совершенно иным настроением: они сражались за свободу новой России и были избавлены от обескураживающего вмешательства немцев а в их деятельность.

Вплоть до трагического конца Гитлер и Гиммлер отказывались официально признать генерала Власова и использовать его силы. Это было принципиальной ошибкой, проистекавшей из высокомерного нежелания предоставлять автономию кому бы то ни было. Другими же источниками являлось подозрение, что Власов не вполне искренен и может открыты русским важный участок фронта. Опасались и возникновения организованного сопротивления в Германии. При столь огромном количестве иностранных рабочих, особенно миллионов советских русских, такую возможность действительно не следовало исключать.

Сложившуюся ситуацию Мюллер использовал в качестве своего любимого козыря. Он указывал на растущую угрозу со стороны противника внутри Германии и подчеркивала, что в таких условиях он не может гарантировать индустриальный мир. Но на эту проблему сомнения в надежности Власова не влияли: всегда была возможность поместить армию Власова на таком участке фронта, где немецкие подразделения смогли бы предоставить ее переход на сторону противника.

Имел место и неприятный конфликт по поводу того, кто должен осуществлять руководство Власовым и его армии. Этот конфликт, должно быть, смешил и самого Власова. Претензии на его формирование сначала предъявляла армия, потом аналогичные претензии появились у министерства по делам восточных территорий Розенберга, затем у Гиммлера, наконец, как это ни покажется странным, свои права заявил и Риббентроп. Наилучшим выходом было бы посадить всех этих господ на казацких лошадок и отправить в бой в авангарде власовской армии. Это разрешило бы проблему раз и навсегда.

После завершения психологической и идеологической подготовки добровольцев начались практические занятия с особым упором на изучение радиотехники. Из-за большого количества добровольцев и нехватки преподавателей их подготовка велась в соответствии с требованиями воинской дисциплины, но так как все добровольцы всегда пользовались кличками, возникла большая неразбериха.

Конечно, НКВД удавалось наносить нам ощутимые потери. Более того, энкаведисты стали засылать через линию фронта своих людей, чтобы внедриться в число участников операции "Цеппелин" и подорвать ее изнутри.

Для заброски агентов в наше распоряжение была предоставлена эскадрилья боевых самолетов, однако военный и политический секторы разведки в то время все еще работали отдельно. Поэтому задания одних часто противоречили заданиям других, и мы вынуждены были делить друг с другом ограниченное количество самолетов и еще более ограниченное количества топлива. По этим причинам график заброски агентов с различными заданиями чем дольше, тем больше нарушался. Между тем ничто не действует на психику агента более негативно, чем слишком долгое ожидание. Поэтому мы создали из агентов, ожидающих задания боевое подразделение под названием "Дружина". Оно должно было поддерживать порядок в нашем тылу, и, в случае необходимости, вести антипартизанскую войну. Командовал "Дружиной" русский полковник Родионов по кличке "Жиль", с ним мне случалось побеседовать. Из этих разговоров я понял, что его первоначальная оппозиция сталинизму стала исчезать. По его мнению, немцы чудовищно относились к русскому населению и военнопленным. Я и сам пытался против этого отношения протестовать. С другой стороны, мне приходилось отстаивать точку зрения Гиммлера. Я посоветовал Жилю не забывать, что сама война и методы ее ведения становятся все более жестокими и безжалостными с обеих сторон. Когда же речь заходила о партизанской войне, то возникали сомнения, не были ли русские столь же или даже больше немцев виновны а преступлениях. В ответ он напомнил мне о пропаганде,

рассуждавшей о русских "недочеловеках". Но ведь он сам, отвечал я, выбрал термин "пропаганда" - в военное время сложно соблюдать четкие моральные нормы. Я полагал, что белорусы, украинцы, грузины, азербайджанцы, жители Средней Азии и другие меньшинства поймут, что все эти лозунги являются порождением военной пропаганды.

Когда мы стали терпеть поражения в России, стало сложнее вести и разведывательную работу. В то же время появились определенные сложности с руководством "Дружиной". В конце концов несмотря на мои неоднократные предостережения случилось то, чего я боялся. "Дружину" вновь использовали для безжалостного "прочесывания" партизанской деревни. Полковник Родионов приказал своим людям, которые вели пленных партизан в концентрационный лагерь, напасть на сопровождавшее их подразделение СС. Захватив немцев врасплох, русские уничтожили их самым зверским образом. Так те, кто первоначально искренне сотрудничал с нами, превратились в наших злейших врагов, Родионов установил контакт с центральным штабом партизанского движения в Москве и заставил перейти на сторону противника своих подчиненных. После кровавой расправы над эсэсовцами он с тайного партизанского аэродрома вылетел в Москву. Сталин лично принял его и наградил орденом Сталина. Это был серьезный провал, за который, однако я не нес личной ответственности, так как раз за разом обращался к Гиммлеру с просьбой отстранить Родионова от антипартизанских операций.

Наряду с привлечением русских к разведывательной работе были заведены специальные досье на наиболее квалифицированных пленных. С течением времени в центре специалисты были избавлены от безрадостной и безжалостной жизни военнопленных.

Им предоставили возможность работать по своей специальности в качестве инженеров-электриков, химиков, металлургов и т.д. Постепенно удалось преодолеть их недоверие, они организовали дискуссионные кружки и исследовательские группы привыкли к выступлениям немецких экспертов. Благодаря такой психологической подготовке нам удалось наладить сотрудничество, с помощью которого мы не только смогли оценить научные достижения русских, но и содействовать росту нашей оборонной промышленности. В дополнение к "массовому найму" выдавались и специальные задания. Добровольцы на которых можно было положиться, получали гражданскую одежду. Их обеспечивали сносным жильем, обычно в принадлежащих разведке частных квартирах.

Третий сектор нашего отдела отвечал за работу "Института Ванзее". Он получил свое название из-за переезда из первоначальной резиденции в Бреслау в берлинский пригород Ванзее. По сути дела институт являлся библиотекой, содержавшей богатейшую в Германии коллекцию материалов по России. Особое значение этой уникальной коллекции состояло в том, что в ней хранилось большое количество литературы на оригинальных языках. Главой института был грузин, получивший профессорское звание как в Германии, так и в России. Его штат состоял из библиографов, исследователей и преподавателей русского языка из различных университетов. Им разрешалось разъезжать по оккупированным территориям России, чтобы через контакты с русским населением получать материал из первых рук.

Еще до начала войны институт оказался в высшей степени полезным. Он собрал информацию о русских автомобильных и железных дорогах экономических и политических основах советского режима, намерениях и составе Политбюро. Большой отдел и научная основательность сотрудников института позволяли им прийти к важным выводам по национальным проблемам и проблемам меньшинств, относительно психологического климата в колхозах и совхозах, по многим другим вопросам.

В 1942 г. институт смог привести первое доказательство того, что статистические и научные материалы, публикуемые в Советском Союзе, ненадежны. Их изменяли, или скажем так, корректировали, чтобы за рубежом было невозможно определить уровень развития любой области науки производства, социальной активности. Через определенное время наш сектор сбора информации

добыл дополнительный материал, подтверждающий данную гипотезу.

Русские создали учрежденная задача которого состояла в проверке всех публикуемых материалов по различным отраслям науки, статистики, химических формул и т.п. с тем, чтобы фальсифицировать их в ключевые моменты. В то же самое время это учреждение тщательно контролировало исследования в различных областях и, в соответствии со специальными правилами секретности, распространяла достоверные материалы только среди тех русских ученых и инженеров, которые нуждались в них для работы. Поэтому данные о населении и другая демографическая информация, как и карты Советской России, фальсифицировалась. Хотя все эти ухищрения не могли нанести нам серьезного ущерба, они существенно осложнили нашу работу. В качестве еще одного примера из деятельности института Ванзее хочу привести случай, произошедший в 1943 г. Мы уже пережили катастрофу под Сталинградом, заставившую Гитлера объявить "тотальную войну". Немцы все еще удерживали свои позиции в России, но понесли тяжелые поражения. Вскоре мы должны были лишиться северной Африки, а с ней и возможности угрожать жизненно важной для англичан транспортной артерии через Суэц, что усиливало вероятность союзной высадки на континенте. Эти факторы, вместе взятые, должны были привести к повороту в нашей политике и военной стратегии в России, уже не говоря о нашей оккупационной политике в покоренных странах.

Суммировав свои соображения, я представил их Гиммлеру. Я сознательно ограничил свои рассуждения Советским Союзом, так как хотел сделать достоверный и солидный доклад о русском промышленном и военном потенциале, проанализировать его до малейших деталей. Мы использовали все наши разведывательные источники и данные допросов тысяч русских пленных. Моей целью было утвердить руководителей в мысли о необходимости или, скорее, даже мобилизовать и использовать все ресурсы в оккупированных Германией областях России. В конце доклада я высказал несколько крайне смелых и политически заостренных предложений. Я намеревал устроить встряску руководству. На мой взгляд, следовало отозвать из страны рейхскомиссаров и "айнзатцгруппы" - специальные подразделения, которые "чистили" германские тылы. Следовало бы немедленно создать автономные государства и одновременно полностью пересмотреть организацию германской администрации в вопросах промышленности и сельского хозяйства.

Так появился отчет на пятидесяти страницах с солидными приложениями. В целом, это была хорошая работа. Однако, после того, как Гитлер прочитал ее и обсудил с Гиммлером, он велел арестовать по обвинению в пораженческих настроениях экспертов, помогавших составлять доклад. Это был триумф Кальтербруннера. Позднее от встретил с Гиммлером и заявил последнему о моей "интеллектуальности" и из ряда вон выходящем поведении. Кальтербруннер попенял Гиммлеру на его фаворитизм и требовал подчинить меня тем, же порядкам и дисциплине, что и других руководителей отделов Управления имперской безопасности.

Мой следующий разговор с Гиммлером был очень жестким. Он раскритиковал всех моих экспертов, назвал ученых из института Ванзее, в частности профессора А. - их шефа, агентами НКВД. Он обрушился и на меня, заявив что я, очевидно, не справляюсь со своими обязанностями и что я подпал под влияние пораженцев из числа моих подчиненных. Слушая шефа я не мог подавить улыбку, чем бы мне эта история ни угрожала. Гиммлер был удивлен так, что смотрел на меня испуганным кроликом: он никогда раньше не сталкивался с подобным неподчинением. Но отреагировать иначе я не мог. Психологически я поступил правильно, и моя выходка разрядила напряженную ситуацию. "Анфант террибль", - сказал он, покачав головой, и я понял, что победил.

Тогда я принялся спокойно, но уверенно отстаивать мою позицию. Через два часа и речи не было о том, чтобы кого-нибудь арестовать. Передо мной сидел, глубоко задумавшись Гиммлер и покусывал ноготь большого пальца. "Ну, если вы правы, это ужасно, - сказал он. - Но нельзя допустить, чтобы интеллигентские бредни толкало нас к демонстрации своей слабости -

слишком многое поставлено на карту. Если нам на этот раз не удастся одолеть Восток, мы исчезнем из истории. Полагаю, что мы можем реализовать ваши соображения только после победы над Россией".

"Дело именно в том, - отвечал я, - когда начинать новую политику. Но я должен повториться: если мы ныне начнем сейчас, у нас видимо, так и не будет шанса начать."

В конечном итоге, убедить Гиммлера мне не удалось. Однако я смог отстоять политическую линию своего отдела и своих сотрудников. Сегодня все это может показаться малозначительным, особенно для того, кто никогда не участвовал в войне нервов и не в состоянии понять неизбежные волнения и разочарования. Чтобы решиться продолжать собственную линию, требовалось определенное мужество: Гитлер отличался болезненной чувствительностью и испытывал патологическую подозрительность, возраставшую прямо пропорционально общему ухудшению ситуации.

27 "Красная капелла"

Борьба с русским шпионажем - Доклад о нем - Русская сеть - Арест шпионского трио - Расшифровка кода - Участие Люфтваффе - Новые аресты - Слежка за русским передатчиком - Поиски "Жильбера" - Подозрения врага - Польза опыта.

Русский посол в Берлине накануне войны Декапов направлял деятельность русской разведки в Германии. История с братьями Витингофф и другие примеры шпионских действий со стороны русских в Германии и на оккупированных территориях вызвали большой интерес у Гитлера, и он стал непрерывно требовать информации о деятельности нашей контрразведки. Он считал, что русская разведка работает куда более интенсивно и, по-видимому, более успешно, чем британская или какая-либо еще. На сей разинтуиция его не подвела.

В конце 1941 года он отдал приказ о немедленной организации противодействия растущей активности русских шпионов в Германии и оккупированных странах. Гиммлеру было приказано следить за тесной координацией действий моего отдела внешней разведки с отделом безопасности гестапо Мюллера и абвера Канариса. Операцию, получившую кодовое наименование "Роте капелле" - "Красная капелла", координировал Гейдрих. Совместными усилиями мы не только раскрыли крупнейшую русскую шпионскую сеть в Германии и оккупированных странах, но и смогли ликвидировать ее большую часть.

После убийства Гейдриха в мае 1942 года Гиммлер взял на себя обязанности по координации и контролю за осуществлением "Роте капелле". Вскоре между ним и Мюллером начались серьезные трения, которые дошли до того, что когда мы докладывали одновременно, Мюллера, человека на много лет меня старше, Гиммлер отправлял из кабинета, чтобы побеседовать со мной один на один. Мюллер был достаточно благоразумен и смирился со случившимся; когда же ему требовалось поднять какой-либо вопрос, он обращался ко мне с просьбой сделать это. Однажды он сказал с иронической улыбкой: "Ваше лицо явно нравится ему больше, чем моя баварская рожа."

В июле 1942 года Гиммлер приказал нам обоим, прибыть в Ставку главнокомандования в Восточной Пруссии с подробным отчетом о "Роте капелле".

Для подготовки доклада у нас было всего несколько часов. Когда мы встретились, Мюллер начал говорить мне, какое бесценное значение имели для него мои доклады о "Роте капелле", и несколько основательны мои представления о шпионской деятельности русских. После серии еще более льстивых комплиментов он попросил меня отчитаться перед Гиммлером за нас обоих. Я ответил, что на моем счету не более 30 процентов достигнутого успеха, и он вполне в состоянии доложить сам "Нет, - возразил Мюллер, - вы получите королевский прием, а меня вышвырнут вон."

Тогда я не знал, почему Мюллер обратился ко мне с такой просьбой. Должно быть, он уже тогда стремился отказаться от работы против русской разведки: но об этом я расскажу позже.

Прибыв в ставку, я с удивлением услышал, что Гиммлер одновременно со мной вызвал на доклад и Канариса. Этим вечером он собирался обсудить проблему с Гитлером и хотел, чтобы мы были под рукой для ответов на возможные вопросы. В этот день Гиммлер пребывал в очень дурном настроении. - Он прочитал первые параграфы отчета, предназначавшегося для Гитлера, и сразу же стал его критиковать самым суровым образом. Он откровенно предвзятый, заявил Гиммлер: заслуги внешней разведки, разведки вермахта (ведомства Канариса) и военной радиоконтрразведки не получили должного отражения "Кто отвечал за подготовку доклада, вы или Мюллер?" - поинтересовался он со зловещей усмешкой. Я сказал, что Мюллер.

"Для него характерно преуменьшать достижения других и выставлять себя в наиболее благоприятном свете. Это мелко, можете так ему и передать."

На этом Гиммлер не успокоился, он пригласил Канариса и начал спрашивать его о подробностях сотрудничества абвенра военной разведки. Стало ясно, что Мюллер извратил истинное положение вещей, чтобы представить себя в более выгодном свете. Гиммлер начал выражать недовольство и мною, забыв, что не я отвечал за доклад. В конце концов, это обстоятельство дошло до него. "Предоставляю вам право повторить слово в слово мой разговор Мюллеру," - сказал он.

Фюрер был столь расстроен докладом и обнаружившейся изменой, что не пожелал ни с кем разговаривать, так что ни я, ни Канарис не потребовались для доклада в этот вечер.

Русская шпионская сеть "Роте капелле" охватывала как всю территорию, контролировавшуюся Германией, так и нейтральные страны. Со своими многочисленными радиопередатчиками она простиралась от Норвегии до Пиренеев, от Атлантики до Ордера, от Северного моря до Средиземного. Как всегда, важную роль в ее раскрытии сыграл случай.

В первые дни кампании на Востоке очень активно стала проявлять себя радиоконтрразведка. Через несколько дней после начала войны один из наших постов, занимавшихся прослушиванием, засек радиопередатчик, однако оказался не в состоянии зафиксировать его местонахождение. Пеленгаторы указывали на Бельгию, но более точно определить было невозможно. Чтобы разрешить эту загадку состоялись совещания с участием шефа радиоразведки генерала Тиле, Мюллера, Канариса и меня.

Позднее радиоразведка засекла передатчик, работавший в районе Берлина, однако через несколько дней несмотря на все попытки контрразведки определить его местонахождение, он прекратил вещание и больше не появлялся в эфире. Наши расчеты показывали что передачи должны были приниматься в окрестностях Москвы с помощью мощной центральной станции. Стало ясно, что передатчик находится в руках агента русской разведки, которой пользуется неизвестным нам кодом.

Специальные подразделения, укомплектованные лучшими сотрудниками ведомства Мюллера, напряженно работали в Бельгии, во Франции и в районе Берлина. Бельгийский отдел нашей контрразведки добился определенных результатов и в конце 1941 г. после консультаций со мной и Канарисом Мюллер решил произвести аресты в пригороде Брюсселя. Были схвачены три агента русской разведки. Михаил Макаров, руководитель группы, занимавшийся сбором информации, Антон Данилов, высококвалифицированный радист и Софья Познанская, шифровальщица. Эта шпионская группа размещалась на небольшой вилле, где и был расположен радиопередатчик.

Их допросы оказались делом сложным: все трое по несколько раз пытались покончить самоубийством и наотрез отказывались давать какую бы то ни было информацию. Владелица дома, бельгийка, арестованная одновременно с ними, располагала лишь самыми неопределенными данными. Хотя она и была готова поделиться всем тем, что знала, но ее сведения не представляли серьезного интереса для следствия. После долгих допросов мы, наконец, сумели выяснить, что трое часто читали лежащие у них на столе книги. Она перечислила некоторые их названия.

Постольку поскольку нашей практикой было пользоваться кодами, основанному на предложениях из любых текстов, мы начали поиски различных изданий книг, за чтением которых их видели: всего книг было одиннадцать. Мы рыскали по книжным магазинам Франции и Бельгии, чтобы их найти.

Тем временем математический отдел радиоразведки и сектор дешифровки Верховного главнокомандования вермахта лихорадочно работали над полуобгоревшем фрагментом уже расшифрованной радиограммы (его нашли в калине на вилле. Сектор дешифровки пришел к выводу, что при кодировании пользовались французскими книгами, и с помощью математического анализа восстановил часть ключевого предложения. В нем имелось слово "Проктор". Теперь, найдя, наконец, одиннадцать книг оставалось их просмотреть, чтобы найти имя "Проктор". В конце концов нашли нужную книгу, нашли и ключевое предложение, и сектор дешифровки ОКВ взялся за работу.

Со временем ему удалось расшифровать и сообщения, полученные в Брюсселе и сообщения, которые к этому моменту были перехвачены нашими мониторами. Результаты потрясли нас: обнаружилось существование обширной разведывательной сети русских, охватывающей Францию, Голландию, Данию, Швецию и Германию.

Одним из главных действующих лиц был человек, под псевдонимом "Жильбер", пересылавший сообщения, которые неизменно содержали важную секретную информацию. В Германии активно действовали два главных агента под кличками "Коро" и "Арвид". Было ясно, что информация могла поступить к ним только из высших эшелонов власти. По-прежнему не был раскрыт, и главный агент в Бельгии, работавший под псевдонимом "Кент"; он сумел уйти от арестов в Брюсселе в конце 1941 года.

Шло время, целая организация напряженно работала, а мы все еще не могли напасть на след двух агентов в Германии. Но вот неожиданно такая возможность представилась. Наш сектор дешифровки получил радиограмму, весьма малозначительную саму по себе. Но из нее следовало, что Москва приказала "Кенту" осенью 1941 года побывать в Берлине и проверить 3 адреса, указанные в радиограмме. Это был первый подлинный прорыв: теперь мы знали не только настоящие имена, но и клички и адреса.

Генерал Тиле из радиоразведки, полковник фон Бентивеньи из военной контрразведки, Канарис и я приняли решение немедленно организовать совместное наблюдение в Берлине за более, чем 60 людьми. После почти месячной слежки мы решили арестовать большинство их, оставив несколько человек на свободе, чтобы шпионская сеть продолжала работу.

Выяснилось, что полковник-инженер по фамилии Бекер, игравший важную роль в разработках наших истребителей и бомбардировщиков, был коммунистом и переправлял секретную информацию через центральный передатчик в северной части Берлина, откуда ее передавали в Москву. Дальнейшее расследование поставило под подозрение по крайней мере пять человек, занимавших высокие посты в генеральном штабе или люфтваффе.

Был арестован и подполковник генерального штаба Шульце Бойзен. Он являлся душой всей шпионской сети в Германии. Он не только поставлял секретную информацию русским, но и активно занимался пропагандистской работой. Однажды в пять часов утра, одетый в форму вермахта, он угрожал на улице пистолетом своему агенту, манкировавшему коммунистической пропагандой на одном из заводов.

Другим участником сети был старший государственный советник Хардак, высокопоставленный чиновник, женатый на американской еврейке. Он отвечал за планирование распространения сырья в министерстве экономики. Благодаря поставляемой им информации русские знали о нашей ситуации с сырьем больше, чем, к примеру, начальник отдела в министерстве вооружений, который не был допущен к этим сведениям из-за бюрократических глухостей и конфликтов между разными ведомствами.

Среди многих арестованных был и советник посольства фон Шелиа, первый секретарь в министерстве иностранных дел, выполнявший там задания русских. Он действовал исключительно мето-

дами "светского шпионажа". Фон Шелиа не только знал обо всем, что происходило в министерстве, но и устроил на своей квартире салон, охотно посещавшийся всей дипломатической колонией. Беседуя со своими гостями, он искусно, хладнокровно и методично собирал секретную информацию.

В самом деле, русская разведка располагала высокопоставленными агентами во всех министерствах рейха и могла получать секретную информацию наиболее быстрым путем с помощью тайных радиопередатчиков.

Естественно, эти люди были центрами сопротивления Гитлеру и его политике, национал-социализму в целом. Но первопричиной их измены было не сопротивление Гитлеру и его режиму. Не особенно привлекали их и деньги, за исключением быть может некоторых малозначительных агентов. Их основной мотив можно объяснить лишь в идеальных терминах. - Они стремились уйти от большого в идеологическом отношении Запада, обратившись к восточному нигилизму.

Аресты продолжались, раскрывались новые группы подозреваемых, специальные подразделения напряженно работали целыми часами. В конце концов, в водоворот наших контрразведывательных мероприятий были втянуты и осуществлены сотни людей. Возможно: некоторые из них лишь симпатизировали шпионам, но во время войны применялся суровый принцип "схвачен вместе, повешен вместе".

Тем временем по-соседству с Марселем появился новый передатчик. Радиоразведка подозревала, что он заменил радиопередатчик в Брюсселе.

Этот вывод был сделан исходя из характера передач и использовавшегося кода. В то же время, появились новые передатчики в Бельгии, Голландии и многих других местах. Их передачи, как казалось, свидетельствовали о принадлежности все к той же шпионской сети. Определять их местонахождение становилось все труднее, так как русские извлекли опыт из случившегося и были достаточно осторожны, чтобы не повторять одну и ту же ошибку дважды. В ходе широкомасштабного расследования в Париже контрразведке случайно удалось выйти на группу людей, которые в ходе допросов дали информацию о "Кенте" позволившую нам установить его личность: Он путешествовал под вымышленным именем с южно-американским паспортом. В Брюсселе было установлено и имя "Жильбера". Он являлся немецким коммунистом, которого долгие годы готовили в Москве. На основе таких скудных сведений мы начали розыск "Кента" и "Жильбера" по всей Европе. Он всплывал под разными именами - Кауфманна, Винсента Сепрса, Треппера и другими. Охота на них шла месяцами. Лишь в результате тщательнейшей слежки и неустанных трудов наших агентов мы оказались в состоянии напасть на след "Кента" в Брюсселе. К провалу его привела любовь к красовой венгерской девушке по кличке "Блондинка" (ее настоящее имя было Маргерит Марча). У них была милая дочка и "Кент" очень привязался к этой женщине и их ребенку. Мы знали, стоит нам найти женщину, и "Кент", рано или поздно, появится. Маргерит не предавала своего друга, но невольно вывела нас на него. Когда мы стали допрашивать "Кента", его забота о "Блондинке" оказалось бесценным подспорьем. Ради нее он был готов на все - если необходимо, то и отдать за нее свою жизнь. Благодаря этому, мы впервые оказались в состоянии установить контакт с московским центром и использовать передатчик "Кента" в своих целях. В течение нескольких месяцев нам удавалось передавать важную дезинформацию русской разведке и вызвать у них большую неразбериху. Успешно использовав передатчик "Кента", мы тоже самое проделали и с другими передатчиками. В результате, порядка 64 передатчиков передавали дезинформацию в Москву. Разумеется, русская разведка заметила огрехи в их работе и с еще большим старанием взялась за нашу контрразведку.

Поиски "Жильбера" и его радиостанции оказались чрезвычайно трудным делом. Как только мы получали достаточно сведений, чтобы радиопеленгаторы начали к нему приближаться, он прекращал работу, и снова возникал в 60 милях от прежнего места.

Когда мы решались произвести налет, то ничего не обнаруживали, как будто он специально нас дурачил, и в ту же ночь передатчик передавал радиogramмы из другого города.

Наконец, неуспешные поиски привели нас к успеху. В ходе расследования по делу коммунистических групп бельгийского сопротивления мы нашли человека, бывшего когда-то правой рукой "Жильбера". Он был специальным курьером, проходившим подготовку в Москве, бывшим германским коммунистом, долгое время проживавшим в Бельгии и занимавшим видный пост в германской администрации. Одновременно он распоряжался коротковолновой радиостанцией, служившей для связи между "Красным Маркизом" и бельгийским сопротивлением. Затем передатчик стал использоваться для других целей; русские разрешили ему поддерживать прямую связь с Москвой. На самом же деле мы этого агента перевербовали. На этот раз его снабжали не фальшивым, достоверным материалом, ибо нашей целью было установить контакт с "Жильбером", чья штаб-квартира располагалась в Париже. Таким путем агенту удалось вызвать интерес "Жильбера". Начать с ним тесное сотрудничество. Однако "Жильбер" оставался крайне осторожным и подозрительным. Сначала мы вышли на его секретаря, затем наша специальная группа розыска решила внезапным налетом захватить и секретаря, и "Жильбера". Но нам не повезло: когда группа прибыла их арестовать, оказалось, что "Жильбер" отправился к зубному врачу. Выяснить адрес дантиста наши люди не смогли. Начались поиски с минимальными шансами на успех. Мы должны были арестовать "Жильбера" до того, как его смогут предупредить. В последний момент удалось узнать имя врага у консьержки соседнего дома и когда враг закончил свое лечение, в "Жильбера" влились несколько иные шипцы - германского абвера. Он быстро сдался, а его мощная радиостанция позднее использовалась нами, продолжать вводить русских в заблуждение.

Мы обратили внимание на то, что русские начали переходить к прямой передаче донесений в свой центр как со своих передатчиков, так и с радиостанций, контролируемых нами. Полученная в русском центре информация поступала в распоряжение специальной аналитической группы. Видимо усилились их подозрения в отношении получаемых данных. Поэтому около трех месяцев мы посылали точные и ценные сведения, и хотя мы допустили несколько крупных промахов, со временем нам удалось рассеять подозрения русских.

Вновь и вновь появлялись новые передатчики. Битва полыхала в Брюсселе, Антверпене, Копенгагене, Стокгольме, Берлине, Будапеште, Вене, Белграде, Афинах, Стамбуле, Риме, Барселоне, Марселе - и снова, и снова в бой вступали пеленгаторные подразделения. Труднее всего было разыскивать - передатчики противника в нейтральных странах, где приходилось тщательно скрывать аппаратуру, технический персонал агентов. Естественно, технические открытия, сделанные в ходе такой работы, представляли для меня, как для главы действующей разведывательной службы большую ценность.

Я должен был использовать накопленный опыт, чтобы оснастить своих людей радиопередатчиками, которые было бы трудно обнаружить. Я стремился заполучить средства радиосвязи, лучше, чем у противника.

Работа по "Роте Каппеле" продолжалась до самого конца войны. Борьба без выстрелов становилось все более и более ожесточенной, и велась она не только в Германии и оккупированных его территориях, но и по всему миру.

28 Убийство Гейдриха

Гейдрих обсуждает недостатки в армии - Ревнивое отношение Бормана и Гимmlера к его успехам в Моравии - Взрыв автомобиля Гейдриха - Уничтожение чешских партизан - Похороны Гейдриха - Гимmlер произносит речь - Его интерес к моему будущему.

Весной 1942 г в Праге во дворце на Градганах Гейдрих провел несколько совещаний, на которых я должен был присутство-

авть. Я уже собрался вылететь обратно в Берлин, когда он попросил меня остаться еще на одну ночь, чтобы я мог с ним пообедать. Я устал и был рассержен: мне претила перспектива вечера, который, вероятнее всего, закончится пьяной оргией. Но на сей раз я ошибся, и мы провели очень интересный вечер, обсуждая интересовавшие Гейдриха проблемы. К моему удивлению, он раскритиковал решение Гитлера взять на себя руководство армией. Гейдрих не сомневался в его способности командовать, но боялся, что фюрер не сможет справиться с этим дополнительным грузом. Затем он начал ругать генералов из Главного командования. В присутствии Гитлера они на все отвечали "да". Они боялись заговорить о каких-либо трудностях, пока не выходили из кабинета.

Гейдриха возмущали недостатки в снабжении армии. Акция "одежда" Геббельса – движение по сбору и отправке в войска зимней гражданской одежды – шло не только с обычной помпой, но с изрядной долей искреннего энтузиазма. Но как бы то ни было, это не могло возместить причиненный ущерб. Гейдрих предлагал за каждые 100 замерзших германских солдат расстреливать кого-либо из управления квартирмейстера, начиная с самого верха. Послать войска в летнем обмундировании воевать в условиях русской зимы было преступлением.

Фельдмаршала фон Браухича (уволненного Гитлером) просто сделали козлом отпущения. Конечно, и он нес определенную долю ответственности, но прямые виновники все еще сидели в своих уютных кабинетах. Они уже несколько пришли в себя, но все еще поблескивали золотыми галунами. Гитлер все больше и больше полагался на Гимmlера, который будучи хорошим тактиком, мог воспользоваться своим влиянием на фюрера. "Если бы он только позволил мне давать ему советы" – пробормотал Гейдрих. Затем он кратко коснулся положения во Франции и Бельгии.

Для этого он хотел воспользоваться отсутствием сопротивления со стороны вермахта, самолично назначить высших руководителей СС полиции в этих странах.

Я не видел в этом смысле. В таком случае слишком усложнилось бы система управления, да и найти подходящих людей на указанные должности теперь было не просто.

Гейдрих рассеянно соглашался и вдруг сказал: "Гимmlер настаивает на этом, и как раз в данный момент я должен продемонстрировать свою добрую волю. Сейчас мы находимся в очень напряженных отношениях."

Видимо, между ним и Гимmlером имелись серьезные разногласия. К тому же последний с ревностью относился к достижениям Гейдриха. Его политика в протекторате оказалась очень успешной. Фюрер был согласен с планами Гейдриха и его действиями. Он начал общаться с Гейдрихом один на один, и хотя тот был польщен оказанным ему вниманием, он опасался осложнений из-за ревности и враждебного отношения со стороны Бормана и Гимmlера. Он опасался, что Борман ответит интригами; От Гимmlера же можно было ожидать подлости и жестокости.

Действительно Гейдрих оказался в сложном положении. Пока успехи располагали к нему Гитлера, но он ни в коем случае не чувствовал себя в безопасности и не знал, как справиться с препятствиями, которые возникали из-за соперничества между ним, Гимmlером и Борманом.

Открыто напасть на них было опасно во все времена, ибо Гитлер еще сильнее, чем Гимmlер, заботился о внутренней лояльности СС. Гейдрих понимал, что, в любом случае, уже поздно. Подчинение Гитлера их влиянию и поворот против Гейдриха были делом времени. Вскоре это время наступило. Гейдрих подумывал о включении меня в свиту фюрера, но я сумел его отговорить. Перед моим отъездом в Берлин он снова заговорил о своем предложении. Для него было особенно важно, чтобы его интересы представлял кто-нибудь на самом верхе. Он полагал, что для меня неплохо было бы некоторое время докладывать непосредственно высшему руководителю. В конце концов мы пришли к компромиссу: я должен был еще на месяц остаться в Берлине, а он тем временем устроил бы мое прикомандирование к штаб-квартире. Однако

из этой затеи ничего не вышло. Вскоре я выехал в Гаагу для со-
вещания с техническими специалистами по поводу ультракоротко-
волновых передатчиков.

Именно здесь, в Гааге, в июне 1942 г. до меня дошло теле-
тайпное сообщение о попытке покушения на Гейдриха и его тяже-
лом ранении. Мне приказали срочно вернуться в Берлин.

Я недоумевал, кто же стоял за покушением и вспоминал о
недавних тренингах между Гиммлером и Борманом. Я мог ясно
представить, что люди, знакомые с методами Гейдриха, опасаются
его. Оба его противника знали, что он не остановится ни перед
чем, если под угрозой окажутся его планы. Его успехи в протек-
торате, должно быть сильно, раздражали Гиммлера, и напряжение
в отношениях между ними возросло до предела, иначе Гейдрих не
говорил бы об этом все время, пока мы с ним общались. В обычае
Гитлера и Гиммлера было управлять, натравливая своих товарищей
друг на друга. Однако проделать подобное с Гейдрихом было не-
возможно. К тому же, будучи главой имперского управления безо-
пасности и исполняющим обязанности рейхспротектора, он стал
слишком могущественной для них фигурой. Внезапно я вспомнил об
эпизоде, о котором мне рассказывал Гейдрих. Его вызвали для
доклада Гитлеру о некоторых экономических проблемах протекто-
рата. Он уже довольно долго прождал перед бункером, когда от-
туда неожиданно вышел фюрер в сопровождении Бормана. Гейдрих,
как полагалось, поприветствовал его, ожидая приказа начать
доклад. Гитлер уставился на него, и по его лицу пробежала неп-
риязненная гримаса. Доверительно и непринужденно подхватив фю-
рера за руку, Борман вновь увел его в бункер. Гейдрих подожа-
дал, но фюрер так и не вернулся. На следующий день Борман зая-
вил Гейдриху, что его доклад фюреру более не интересен. Хотя
это было сказано самым дружелюбным тоном, Гейдрих почувствовал
за ним неистребимую ненависть. Недовольство Гитлера в данном
случае было очевидным, и скорее всего, проистекало из намеков
и клеветнических высказываний Бормана и Гиммлера.

Любопытно, что в ходе моей последней беседы с ним, Гейд-
рих, несмотря на уверенность в своих силах показался мне испу-
ганным. Несомненно, он был полон предчувствий и его озабочен-
ность тем, чтобы устроить меня в окружение Гитлеру, проистека-
ла именно из этого.

Покушение на него, разумеется, повлияло на работу цент-
рального ведомства в Берлине. Вместо гула, свидетелевавшего
о деловой активности, здесь воцарилась тишина, вызванная
атмосферой недоверия, чуть ли не страха. Как же это могло слу-
читься?

Гиммлер приказал мне немедленно вылететь в Прагу, где уже
работали руководители IV и V отделов, Мюллер и Нобе. Я догово-
рился о встрече с Мюллером, который обещал мне коротко изло-
жить полученные сведения. Гейдрих, в бессознательном состоя-
нии, находился в госпитале, и лучшие враги пытались спасти ему
жизнь. Осколки гранаты впились в его тело, создав многочислен-
ные очаги инфекции. В ранг попали куски ткани из его одежды и
усилили опасность для его израненной селезенки. На седьмой
день началось общее заражение крови, которое быстро привело к
смерти. До самого конца он был под присмотром профессора Геб-
харта, чьи рекомендации вызвали серьезную критику со стороны
других специалистов. Некоторые предлагали провести операцию и
удалить поврежденную селезенку, чтобы избавиться от главного
источника инфекции.

Позднее Мюллер сообщил мне подробности покушения. Гейдрих
возвращался с загородной виллы на Градганы. Он сидел рядом с
водителем (это не был его личный шофер) в своем большом мерсе-
десе. В пригороде машина должна была сделать крутой поворот и
замедлить ход. Вдоль дороги с небольшими интервалами стояло
три человека: первый - в двадцати ярдах перед поворотом, вто-
рой - на самом повороте, третий - в двадцати ярдах - за пово-
ротом. Как только водитель притормозил, первый выскочил на до-
рогу и открыл бешенный огонь из револьвера. Машина почти
совсем остановилась, и в этот момент второй бросил под машину
сферической формы гранату, разорвавшуюся прямо под днищем. Тя-

жело раненный Гейдрих крикнул водителю "Дави его парень!", выпрыгнул из автомобиля и несколько раз выстрелил вслед покушавшимся, которые бросились с места происшествия на велосипедах. Гейдрих ранил одного из них в ногу и рухнул без сознания. Водитель также был ранен потерял много крови. Автомобиль, несмотря на мощную броню был почти полностью разрушен.

Если бы за рулем сидел старый опытный шофер Гейдриха, он бы не позволил убийце выскочившему на дорогу, одурачить себя. Находчивому водителю достаточно было бы надавить на педаль газа, машина рванулась бы вперед, и тогда взрыв оказался бы не столь разрушительным.

После тщательной экспертизы специалисты из криминального технического института выяснили, что граната имела необычную остроумную конструкцию, до сих пор им неизвестную. Взрыватель устанавливался в соответствии с дистанцией броска - в данном случае 8 ярдов - и, как видно сработал с исключительной точностью. Взрывчатка, вероятнее всего, была английского производства, но это само по себе ничего не говорило о покушавшихся. Наша служба почти исключительно пользовалась определенным типом трофейной английской взрывчатки, она имела очень большую мощность и ей можно было придать любую форму.

Расследование, велось с использованием достижений современной криминалистики. Официальная установка гласила, что участники покушения были членом чехословацкого сопротивления. Каждая улика тщательно изучалась, было арестовано много подозреваемых, произведены налеты на все известные явки. Фактически, была проведена полицейская акция против всего сопротивления. Донесения читались как сценарий захватывающего фильма. В конце концов, было сформулировано четыре версии, но ни одна из них не привела к разгадке. Убийц так и не удалось схватить, не нашли и человека, раненного в ногу. В ходе безжалостной акции гестапо 120 членов сопротивления было окружено в маленькой церкви в Праге. Накануне штурма церкви, по указанию Гимmlера, я встретился с Мюллером. Гимmlер по телефону заявил мне. "За этим расследованием довольно трудно уследить. О своих ощущениях в связи с этим делом он не сказал ни слова больше. Я не имел никакого касательства к расследованию проводившемуся Мюллером в Праге, да и он поначалу был не слишком со мной откровенен, хотя позднее стал чувствовать себя более свободно.

Рейхсфюрер приводил его в бешенство, так как заранее решил, что покушение осуществила британская разведка, и трое убийц было выброшено на парашютах вблизи Праги для выполнения задания. Мюллер не отрицал вероятности этого: ибо в конце концов, все чешское подполье финансируется и руководится либо из Лондона, либо из Москвы. Завтра мы захватим церковь и положим этому делу конец. Будем надеяться, убийцы находятся в церкви." Проговорив все это, Мюллер быстро взглянул на меня и спросил: "У вас есть какая-нибудь секретная информация? Мне показалось, будто Гимmlер сказал, что вы располагаете ею." Но я был вынужден его разочаровать.

После его ухода я не мог избавиться от мысли о том, что Мюллер не был доволен расследованием. Где-то, что-то было не так. На следующий день начался штурм церкви. Никто из бойцов сопротивления не попал в руки немцев живым.

Итак, кто убил Гейдриха, осталось неизвестным. Были ли его убийцы в церкви? Были ли они членами движения сопротивления и к какой его части принадлежали? Все скрывавшиеся в церкви погибли и было ли это сделано умышленно - остается неясным. В отчете подчеркивался их фанатизм и решимость погибнуть, но из 120 подпольщиков не было ни одного со старой раной. Расследование смерти Гейдриха зашло в тупик и не было закрыто.

Гроб с телом Гейдриха, был помещен перед дворцом; почетный караул состоял из его ближайших соратников. Мне было нелегко, отстоять 2 часа по стойке "смирно" в полной форме с каской на голове при температуре в сто градусов в тени.

Три дня спустя траурный кортеж доставил тело Гейдриха на железнодорожную станцию; затем его отправили в Берлин. Пражане внимательно следили за происходившим; из окон многих домов

свешивались траурные флаги. Несомненно, горожане пользовались случаем продемонстрировать свою скорбь по поводу иностранной оккупации.

Перед похоронами тело Гейдриха в течении двух дней было выставлено для прощания во дворце на Вильгельмштрассе, где находился его превосходно меблированный кабинет. В первый же день утром Гиммлер вызвал к себе всех руководителей отделов. В своем коротком выступлении он отдал должное заслугам Гейдриха, его характеру, высоко оценил значение его трудов. Он как никто другой руководил работой гигантского аппарата РСХА, созданного и направлявшегося им. Фюрер дал согласие на то, чтобы на первое время, пока не избран преемник Гейдриха, Гиммлер лично возглавлял управление. Он призвал начальников отделов приложить все усилия и потребовал не допустить возникновения конфликтов между ними. Он предостерег их от взаимной вражды и попыток узурпировать власть. За это фюрер пригрозил суровым наказанием. Указывая на тело погибшего и обращаясь по очереди к начальникам отделов, Гиммлер по сути дела, устроил им суровую головомойку, с язвительной иронией перечисляя их недостатки и промахи. Наконец очередь дошла и до меня. Я весь напрягся, ожидая когда холодный душ упреков обрушится на меня. Гиммлер, должно быть, почувствовал мое состояние. По его мертвенно бледному лицу промелькнула тень улыбки. Он некоторое время смотрел на меня и затем, больше обращаясь к остальным, чем ко мне, произнес: "Шелленберг возглавляет, самый трудный отдел и он самый молодой из вас. Но как бы то ни было, человек, с которым мы сейчас прощаемся, посчитал, что он соответствует своей должности и назначил его руководителем отдела. Я тоже считаю, что он в состоянии решить стоящие перед ним задачи. Самое главное, он неиспорчен. Господа, вы лучше, чем кто бы то ни было знаете какие препятствия вы ставили на его пути. Вас возмущает его молодость, и то, что он не является ветераном национал-социалистической партии. Я не вижу никаких оснований для вашего недовольства и хочу раз и навсегда объяснить, что решения по этому вопросу принимаю не только я. Он, так сказать, любимое дитя наших руководящих кадров, и поэтому я особо его поддерживаю. Я открыто говорю об этом в его присутствии, потому что так думал ваш убитый шеф, и я считаю Шелленберга слишком умным, чтобы возгордиться, услышав мои слова. Напротив надеюсь, они подвигнут его на более тщательную и плодотворную деятельность в решении стоящих перед ним задач. Если у кого-нибудь есть желание что-либо добавить по этому или другим вопросам, он может высказаться..."

Воцарилась гнетущая тишина. До этого момента я был относительно спокоен, но тут начал краснеть - и все больше, так как Гиммлер снова вернулся к этой теме, заявив, что с этого момента он желал бы работать в тесном контакте со мной, что ему нужны мои таланты, и он хочет, чтобы я общался к нему, как можно чаще. Затем, довольно резко он закрыл заседание.

В тот же вечер, Гиммлер снова собрал всех руководителей РСХА в кабинете Гейдриха. На заседании также присутствовал обергруппенфюрер СС Карл Вольф. На сей раз Гиммлер произнес речь, в которой охарактеризовал важнейшие вехи карьеры Гейдриха и указал на то, что руководители СС обязаны хранить память о своем погибшем шефе. Эта память должна вдохновлять их на самоотверженный труд и образцовое поведение. Он закончил свою речь указанием на возрастающее значение нашей работы за границей, и выразил надежду: что в ходе ее мы избавимся от ошибок и сумеем преодолеть слабость традиций: пока же наши достижения в данной области все еще нельзя сравнить с достижениями британской разведки. Поэтому нашим девизом должно быть: "Мое отечество, право оно или нет", точно также как девизом нашего отдела - СС - "Моя честь - в верности".

На панихиде в рейхсканцелярии, предшествовавшей похоронам, с речами выступили Гитлер и Гиммлер. Это был чрезвычайно впечатляющий спектакль, в котором в полной мере проявилась тяга Гиммлера к помпезности и театральным эффектам. Оба, и Гитлер и Гиммлер, говорили в своих речах о "человеке со стальным

сердцем". Я не мог избавиться от ощущения, что вся церемония, в которой участвовали все министры, статс-секретари, высшие партийные чиновники, члены семьи выглядела как картина эпохи Возрождения.

Гроб опустили в могилу, я с удивлением увидел плачущего Канариса. Когда мы стали уходить, он бросил мне голосом, прерывающимся от волнения: "Все-таки он был великим человеком. В его лице я потерял друга."